
Переводные

учебники ВШЭ

Manuel Castells

Communication

Power

Second Edition

Мануэль Кастельс

Власть

КОММУНИКАЦИИ

Второе издание, дополненное

Перевод с английского
Н.М. ТЫЛЕВИЧ,
А.А. АРХИПОВОЙ
под научной редакцией А.И. ЧЕРНЫХ

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2017

УДК 316.65
ББК 60.56
К28

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ по изданию
переводов учебной литературы

Кастельс, М. Власть коммуникации [Текст] : учеб. пособие /
К28 М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; пер. с англ. предисл. к изд.
2013 г. А. А. Архиповой ; под науч. ред. А. И. Черных ; Нац. исслед.
ун-т «Высшая школа экономики». — 2-е изд., доп. — М. : Изд. дом Выс-
шей школы экономики, 2017. — 591 , [1] с. — (Переводные учебники
ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1556-3 (в пер.).

Книга одного из крупнейших социологов современности Мануэля Кастельса, известного российскому читателю по опубликованным ранее произведениям, представляет собой поистине энциклопедию «работы» власти в современном пронизанном медиа мире. Автор дает практически исчерпывающее представление как о современном политическом процессе, существующем только через посредство медиа, так и об используемых последними способах привлечения общественного внимания (самого дорогого ресурса сегодня!), среди которых одним из наиболее популярных оказывается скандал. М. Кастельс отталкивается от последних достижений нейронауки в изучении эмоционального интеллекта, позволяющих успешно использовать техники так называемой каскадной активации, фрейминга, прайминга и других методов воздействия на зрителя/читателя/слушателя. Для подтверждения своих идей он использует как американские реалии, так и политические процессы в разных странах мира. Особый интерес представляет заключительная глава, посвященная первой президентской избирательной кампании Барака Обамы, успех которой в решающей степени был обусловлен прорывным решением его избирательного штаба об активнейшем использовании социальных медиа.

Несмотря на сугубо академический характер (только библиография занимает 48 страниц), множество диаграмм и таблиц, что делает книгу незаменимым подспорьем в профессиональной практике политологов, прекрасным компендиумом и «точкой роста» для студентов, она представляет значительный интерес и для широкой читательской аудитории, поскольку написана увлекательно и прекрасным языком.

УДК 316.65
ББК 60.56

Communication Power, Second Edition was originally published in English in 2013. This translation is published by arrangement with Oxford University Press. National Research University Higher School of Economics is responsible for this translation from the original work and Oxford University Press shall have no liability for any errors, omissions or inaccuracies or ambiguities in such translation or for any losses caused by reliance thereon.

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1556-3

ISBN 9780199681938 (англ.)
ISBN 978-5-7598-1556-3 (рус.)

© Manuel Castells 2013
© Перевод на русский язык. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2016; 2017

Содержание

Цифровые сети коммуникаций и культура автономии: Предисловие к изданию 2013 г.	9
Благодарности	37
Список рисунков.....	41
Список таблиц.....	44
Введение.....	46
Глава 1. Власть в сетевом обществе	55
Что такое власть?	55
Государство и власть в глобальную эпоху	62
Сети.....	65
Глобальное сетевое общество	69
Сетевое государство	84
Власть в сетях.....	88
Власть и контрвласть в сетевом обществе	94
Заключение. Понимание властных отношений в глобальном сетевом обществе	96
Глава 2. Коммуникация в цифровую эпоху	101
Коммуникационная революция?	101
Технологическая конвергенция и новая система мультимедиа: от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации.....	105
Организация и менеджмент коммуникаций: глобальные мультимедийные бизнес-сети.....	118
Методы политики регулирования	151
Культурные изменения в глобализующемся мире.....	169
Креативная аудитория	180
Коммуникация в глобальную дигитальную эпоху	188
Глава 3. Сети сознания и власти	191
Ветряные мельницы сознания.....	191
Эмоции, познание и политика	200
Эмоции и познание в политических кампаниях.....	205
Политика убеждения.....	208
Фреймирование сознания.....	210

Покоряя умы, покоряя Ирак, покоряя Вашингтон: от дезинформации к мистификации	221
Сила фрейма	245
Глава 4. Программируя сети коммуникации:	
медиаполитика, политика скандала и кризис демократии	249
Обретение власти через создание имиджа	249
Убийственные (семантические) поля:	
медиаполитика в действии	252
Политика скандала	299
Государство и медиаполитика: пропаганда и контроль	323
Упадок политического доверия и кризис политической легитимности	346
Кризис демократии?	356
Глава 5. Перепрограммируя сети коммуникации:	
социальные движения, повстанческая политика и новая публичная сфера	360
Подогревая глобальное потепление:	
инвайронментализм и новая культура природы	364
Сеть как сообщение: глобальные движения против корпоративной глобализации	402
Мобил-изация сопротивления:	
беспроводная коммуникация и практика повстанческих сообществ	409
«Да, мы можем!»: праймериз Обамы в президентской кампании 2008 г.	427
Перепрограммируя сети, переоснащая сознание, изменяя мир	476
Заключение. К коммуникационной теории власти	481
Приложение	497
Литература	538
Указатель имен	585

Памяти Никоса Паулантцаса,
моего брата,
теоретика власти

Цифровые сети коммуникаций и культура автономии: Предисловие к изданию 2013 г.

Центральная идея книги состоит в демонстрации того, что властные отношения, лежащие в основе общественных институтов, формируются в сознании людей преимущественно в ходе процессов коммуникации. Влияние на умы, формирование сознания — более глубокая и устойчивая форма доминирования, нежели власть над телом посредством устрашения или насилия. Коммуникативные практики включают межличностную коммуникацию и опосредованную коммуникацию. На социальном уровне именно опосредованная коммуникация создает символическую среду, в которой люди воспринимают, обрабатывают и посылают сигналы, формирующие смыслы их жизни. Динамика и эффекты опосредованной коммуникации определяются культурой, социальной организацией и технологиями конкретных коммуникационных систем. С наступлением эпохи цифровых коммуникаций трансформация коммуникации и последовавшие за этим изменения в организации и культуре глубоко повлияли на способ функционирования властных отношений.

Трансформация коммуникации в цифровую эпоху

Важнейшая трансформация в коммуникационной сфере за последние годы — это сдвиг от массовой коммуникации к массовой самокоммуникации, понимаемой как процесс интерактивной коммуникации, потенциально доступной для массовой аудитории, но в рамках которой производство сообщений осуществляется пользователем самостоятельно, как и обратный возврат сообщений, а восприятие и реструктурирование контента, полученного из электронных коммуникационных сетей, — произвольно. С организационной точки зрения рост однонаправленной массовой коммуникации, наиболее типичным представителем которой являются традиционные телевизионные сети, обусловлен возникновением крупнейших медийных бизнес-конгломератов. В отличие от нее массовая самокоммуникация, ставшая возможной благодаря Интернету и мобильным сетям коммуникации, изначально возникла на основе децентрализованных коммуникационных сетей. Однако по мере того как Интернет расширял свою «территорию», чтобы в итоге стать основным коммуникационным медиумом цифровой эпохи, крупные корпорации осваивали и подчиняли себе интернет-бизнес, а глобальные телекоммуникационные компании создавали мобильные платформы коммуникации. Как показано в этой книге, ключевая организационная форма коммуникации в цифровую эпоху представ-

лена глобальными мультимедийными бизнес-сетями, где в рамках одного и того же конгломерата сочетаются различные формы коммуникации, а конкуренция в бизнес-среде, все более превращающейся в олигополию, возрастает. Кроме того, горизонтальные сети коммуникации и традиционные формы однонаправленной массовой коммуникации (телевидение, радио, печатная пресса) все более совмещаются друг с другом, образуя гибридную коммуникационную систему, использующую гибкие цифровые технологии для того, чтобы перейти от унифицированного шаблона «гипертекста» к диверсифицированному, индивидуализированному «моему тексту» (мой гипертекст, мой прайм-тайм, произвольно отобранное мною сочетание образов и слов). Таким образом, даже если вселенная Интернета и находится под влиянием крупных бизнес-конгломератов и до известной степени регулируется правительствами, она фактически остается совершенно особым типом коммуникации, для которого характерна значительная автономия коммуницирующих субъектов в отношении владельцев и регуляторов коммуникационной инфраструктуры. Это возможно потому, что цифровые сетевые технологии позволяют индивидам и организациям генерировать собственные сообщения и контент и распространять их в киберпространстве, в значительной степени избегая контроля корпораций и бюрократических структур. Не без трудностей и не без цензуры, но при значительно большей степени свободы по сравнению с той, когда сообщения подвергаются контролю издателями-коммерсантами и правительственными цензорами. Конечно, интернет-корпорации занимаются коммерческой продажей коммуникации без ограничений, и они часто присоединяются к защитникам свободы в Интернете в их борьбе с усилиями правительств наложить ограничения на интернет-сети. Они также отражают атаки на сетевую нейтральность, периодически осуществляемые агентами — посредниками компаний-операторов [связи]. Все дело в том, что, чем активнее интернет-трафик, тем выше прибыли интернет-провайдеров, кровно заинтересованных в наращивании пользования Интернетом, стараясь при этом выбирать способы максимизировать свою прибыль. Кроме того, поскольку барьеры входа в интернет-индустрию значительно ниже, чем в индустрии традиционных коммуникаций, небольшая группа технически грамотных молодых людей, у которых есть пара хороших идей и весьма небольшой капитал, могут создавать компании, которые бросают вызов ограничениям, накладываемым на свободную коммуникацию бизнесом олигополий. Это вновь и вновь доказывает экспансия и трансформации интернет-компаний, прежде всего расцвет социальных сетей, созданных Friendster, Facebook, YouTube, Twitter и множеством других, которые начиная с 2002 г. преобразовали социально-организационный ландшафт горизонтальных сетей коммуникации во всем мире. В 2013 г. число интернет-пользователей достигло 2,8 млрд, а число абонентов беспроводных коммуникационных устройств — 6,4 млрд; горизонтальные цифровые коммуникационные сети превратились в стеновой хребет наших жизней, воплотившись в новой социальной структуре, которую я несколько лет тому назад определил как сетевое общество. Ко-

нечно, корпорации постоянно стремятся превратить пространства свободы в сады, обнесенные высокой стеной, и брать плату за вход. А правительства с большим недоверием относятся к свободной коммуникации в Интернете, потому что их авторитет на протяжении всей истории человечества всегда основывался на контроле над информацией и коммуникацией.

Тем не менее миллионы «интернавтов» по всему миру развернули решительную борьбу, сопротивляясь утрате своего свободного коммуникационного пространства, и до сих пор они вполне преуспевали в борьбе за право на самовыражение, иногда с помощью системы правосудия, а нередко благодаря поддержке культуры свободы, которая является источником интернет-бизнеса. Для большинства представителей нового поколения защита свободного доступа к интернет-сетям стала приоритетной по сравнению с любой другой потребностью, поскольку свободная коммуникация — это необходимое условие для важнейших практик и переживаний, от музыки до политики, от предпринимательства до эмоционального общения. Вот почему борьба за свободу в Интернете — никогда не заканчивающийся процесс, поскольку его технологические особенности и культура пользователей интернет-сетей делают довольно затруднительным для врагов свободы (обычно прикрывающимся лицемерными лозунгами о защите нравственности) подавить массовое сопротивление тех, кто полагает, что право на транслирование чего угодно, где угодно и кому угодно — наиболее очевидный признак свободного человеческого существования.

Последствия этих изменений невозможно переоценить. Свободная коммуникация — самая подрывная практика из всех возможных, поскольку она бросает вызов властным отношениям, укорененным в общественных институтах и организациях. Коммуникация сверху вниз под контролем бизнеса и правительств проходит через всю историю человечества. Каждая новая коммуникационная технология, например печатный станок, оспаривает авторитет власти, ведь семена бунта, таящиеся в душе тех, кто пребывает в оковах извечно несправедливых форм социальной организации, могут дать всходы только тогда, когда между отдельными людьми устанавливается связь, разрушающая барьеры индивидуального опыта, открывая дорогу социальной мобилизации и альтернативным проектам организации социума, — не обязательно навсегда, как предписывает нормативизм, поскольку история, вопреки идеологическим представлениям о прогрессе как неотвратимой судьбе человечества в процессе его эволюции, на деле не ведет в качестве заранее предопределенной цели к положительному результату. И все же, вне зависимости от содержания процесса социальных перемен, общество неумолимо движется вперед. Во всех сферах жизни официальным институтам бросают вызов те, кто чувствуют себя угнетенными, недооцененными, эксплуатируемыми, униженными и представленными в ложном свете. Их требования вступают в конфликт с принуждающей мощью институтов, а также с навязчивым влиянием доминирующего мировоззрения, которое легитимирует существующие формы властных отношений. Мир коммуникаций — это социальная сфера, в которой ценности и интересы

конфликтующих акторов сталкиваются между собой, чтобы воспроизводить или подрывать социальный порядок или же приспособливаться к новым формам, возникающим в результате взаимодействия старого и нового, прошлого с его застывшими формами власти и будущего с альтернативными проектами человеческого существования, выдвигаемыми теми, кто хочет изменить мир и готов за это сражаться. В отличие от делиберативной институциональной сферы, которая на системном уровне предубеждена в отношении существующих форм доминирования, коммуникационная сфера формируется с помощью множества исходных данных, поступающих из различных источников, в свою очередь, также взаимодействующих друг с другом. Чем обширнее и разнообразнее информация на входе и выше скорость взаимодействия и столкновения различных смыслов, тем в большей степени коммуникационная сфера оказывается драйвером социальных перемен. Вот почему политическая власть и социальный порядок основываются на эффективности контроля над процессом коммуникации, осуществляемым доминирующими акторами, будь то проповедь с кафедры, редакционная политика газеты или телевизионные программы. Чем значительнее медийные организации и чем сильнее в них организационная вертикаль, тем выше концентрация посылаемых ими сообщений и тем более точно определенным и подчиненным оказывается объект их воздействия. Очевидно, что именно таков мир массовой коммуникации. Это не значит, что получатели сообщений были и остаются пассивной аудиторией. На деле они обрабатывают эти сообщения в соответствии с собственными категориями и субъективными оценками, а потому они вовсе не обязательно приходят именно к тем выводам, на которые рассчитывали отправители сообщений. Однако единственно доступный им идеальный символический материал (образы, звуки, текст), с которым им приходится иметь дело на социальном уровне, — это сообщения, производимые массмедиа под контролем их владельцев и государственных чиновников. Эта вертикальная форма коммуникации разрушается в мире, где преобладают горизонтальные сети мультимодальной коммуникации. Таким образом возникает множество сообщений и создаваемое акторами многообразие конструируемых ими смыслов, которые иногда приходят к согласию по поводу этих смыслов, а иногда спорят, но в любом случае эти акторы не зависят от стратегий создателей повестки дня, принимающих решения в системе массовой коммуникации. Взаимоотношения коммуникации и власти в этих обстоятельствах становятся куда более неопределенными, не скованными жесткими правилами — дух свободы выпущен из запечатанной бутылки медиа, и эта свобода оказывается доступной людям во всем мире.

Предсказывая недавнее прошлое

За годы, прошедшие со времени публикации этой книги в 2009 г. до настоящего момента, когда вы читаете этот текст, властные отношения во всем мире претерпели поистине драматические изменения под воздействи-

ем нового контекста — цифровых коммуникаций. Политические кампании по-прежнему зависят от медиаполитики, сконцентрированной в массмедиа, в особенности от политики скандалов как излюбленного приема политической войны. Правительства, пользуясь своими полномочиями регулятора, преуспели в сохранении СМИ в качестве своей пропагандистской машины в обмен на уступки медиабизнесу. Продолжается манипулирование информацией: правда о войне и мире, жизни и смерти по-прежнему утаивается от граждан. Политику создают и проводят деньги, которые идут главным образом на развертывание медиакмпаний и проведение информационной политики, таргетирование избирателей (выделение целевой аудитории. — *А. Ч.*) с помощью изощренных методов, таких как построение базы данных, основанной на краже личной информации. Гражданам приходится формировать свою собственную позицию, продираясь сквозь лабиринт политических шоу и сфабрикованных образов, формирующих их представления.

Интернет никогда не был настоящим противоядием от этой внушающей предубеждения ангажированной коммуникационной системы, поскольку он вообрал в себя также и новые стратегии, освоенные политиками после изначально неверного восприятия этого медиума, который они на первых порах пытались использовать по аналогии с телевидением. В связи с этим стоит отметить, что президентская кампания Б. Обамы в 2008 г. стала поворотным пунктом в истории политических технологий. Поскольку для этой кампании решающим оказалось виртуозное использование Интернета, основанное на мобилизации широких масс избирателей, все последующие политические кампании в мире в целом стали активно использовать Интернет и беспроводную коммуникацию, правда, часто забывая при этом, что сила Интернета максимально возрастает только в случае автономных усилий широких масс, поддерживающих кампанию снизу. Как бы то ни было, Интернет превратился в столь же важный инструмент институциональной политики, что и телевидение. В определенном смысле его роль сейчас даже важнее, поскольку телевидение фокусируется главным образом на избирательных кампаниях и на важнейших событиях, привлекающих внимание медиа, таких как внутренние и международные кризисы, в то время как Интернет обеспечивает постоянный ежедневный контакт граждан с политикой. Не стоит думать, что Интернетом пользуются только социальные движения, а массмедиа — преимущественно доминирующие элиты. Мы живем в мире гибридной коммуникации, в котором различные режимы коммуникации постоянно пересекаются, и, следовательно, центральная роль коммуникации в формировании процессов осуществления власти как в рамках политических институтов, так и в обществе в целом, по сути дела, расширилась и углубилась.

Но в то же время распространение горизонтальных сетей коммуникации и множество точек входа в локальной/глобальной коммуникационной системе оказали глубокое воздействие на практики власти по целому ряду социальных и институциональных измерений, усилив влияние граждан-

ского общества и неинституциональных социально-политических акторов на форму и динамику властных отношений.

В самом непосредственном выражении властных отношений — политической динамике, связанной с государством, — эффекты основанной на Интернете автономной коммуникации решающим образом проявились уже в первые годы после выхода в свет этой книги. Должен предупредить читателя, что я никогда не пытался ничего предсказывать, потому что с недоверием отношусь к методам, когда будущее пробуют предсказывать, перенося на него процессы, происходящие в настоящем, и добавляя ряд трендов без учета возможного влияния на эти тренды переменных, которые могут возникнуть за горизонтом предсказанного процесса. Я предпочитаю игру без риска — предсказываю прошлое (и я не шучу), при этом стремлюсь рассматривать недавние значимые события, произошедшие после публикации того или иного моего текста, в аналитическом ключе, предложенном в этом тексте. Данная книга — как раз такой случай.

Мой анализ касается взаимодействия власти и контрвласти (власть исходит главным образом от институтов, контрвласть — от гражданского общества) в процессе создания властных отношений. В этой работе я утверждаю, что формы и процессы коммуникации имеют решающее значение для того, какими окажутся контуры этого взаимодействия. Я подчеркиваю ключевую роль коммуникации в институциональной политике, а также выделяю, основываясь на ряде практических примеров, новые перспективы социально-политических перемен, открывающиеся для социальных акторов благодаря расцвету массовой самокоммуникации. Я полагаю, что сейчас можно с еще большей уверенностью утверждать, что у индивидуальных и социальных акторов благодаря распространению массовой самокоммуникации неожиданно невероятным образом расширились возможности бросать вызов власти государства. И дело тут, разумеется, не только в воздействии Интернета. Технологии сами по себе ничего не определяют, поскольку социальные процессы встроены в сложную систему социальных отношений. И все же технологии, и в особенности коммуникационные, не являются нейтральными. Между властными отношениями в обществах, где написанное слово доступно лишь незначительному меньшинству, и в обществах, где распространение письма и издательской деятельности благодаря печатному станку делает его массово доступным, имеется фундаментальное различие. Существует принципиальное различие между политическими процессами в эпоху господства газет и политическими процессами в эпоху радио и тем более телевидения. Не менее существенно и важно различие (о чем идет речь в настоящей книге) между властью, опирающейся на массовую коммуникацию, и возникшей благодаря Интернету автономной возможностью бросать вызов политическому порядку. Хотя технологии не определяют течение и результат процесса осуществления власти, однако они и не нейтральны, поскольку именно они могут максимально увеличить шансы на появление и осуществление альтернативных проектов, возникающих в обществе в качестве вызова власти преобладающим.

Два важных примера различной значимости могут проиллюстрировать этот сдвиг во взаимодействии между властью и контрвластью в мире цифровых сетей коммуникации. Первый — это вызов, брошенный WikiLeaks обстановке секретности в правительстве и манипуляциям информацией во внутренних и международных делах. Секретность всегда была главным инструментом любого, законного или незаконного, правительства, с помощью которого оно принимает решения от имени своих граждан, не ставя их при этом в известность о положении дел. Благодаря работе WikiLeaks по разоблачению действий правительства, касающихся всех граждан, но утаиваемых якобы из соображений национальной безопасности и тем самым недоступных общественному надзору, у граждан появились новые возможности контролировать своих представителей. Второй пример — это рост в 2010–2012 гг. социальных движений протеста против несправедливости существующего социального порядка и недемократических политических практик в более чем ста странах и тысячах городов по всему миру, которые, используя Интернет и беспроводные средства связи, выстроили автономный процесс коммуникации, приведший к самокоммуникации и самоорганизации и в конечном счете — к существенным сдвигам на множестве уровней в политических системах и общественном сознании. Я не буду здесь обращаться к эмпирическому материалу и приводить подробный анализ этих процессов, поскольку все это уже было изложено в другой публикации [Castels, 2012], а также представлено в научных докладах [Castels, 2010; 2011]. Я сосредоточусь на значении этих событий в контексте представленного в этой книге анализа взаимоотношений коммуникации и власти.

Однако прежде чем напомнить читателю об основных чертах этих социальных практик, думаю, необходимо с аналитической точки зрения подчеркнуть, что власть социальных сетей, воплощенная в Интернете, — это не просто технологическая характеристика, поскольку Интернет, как и всякая технология, относится к материальной культуре, а стало быть, представляет собой культурную конструкцию. В данном случае — это культура свободы.

Интернет и культура свободы

В последние четыре десятилетия, теснейшим образом связанные с появлением новой технологической парадигмы в сфере информационно-коммуникационных технологий, основанных на микроэлектронике, мы наблюдаем подъем новых коммуникационных практик [Newman, 2013]. Поскольку целенаправленная коммуникация — одна из фундаментальных характеристик человеческих существ, трансформации в коммуникации воздействуют на все сферы человеческой жизни, а также возможно (только возможно) со временем приводят к изменениям в функционировании нашего мозга. В конце концов у людей все зависит от эволюции нейронных сетей мозга в ходе взаимодействия с генетической наследственностью и их естественной природной и социальной окружающей средой [Damasio, 2009].

Из истории технологии известно, что люди усваивают, используют и видоизменяют новые технологии в соответствии со своими потребностями и желаниями, зависящими от особенностей их культуры, социальной организации, институциональной среды и личностных характеристик. Однако существует и специфический эффект технологий. Нужные технологии появляются в том месте и в то время, где и когда люди и их сообщества ощущают в них настоятельную потребность. Именно так возникает эффект синергии между технологическим изобретением и социальной эволюцией.

Именно таков случай Интернета — сети компьютерных сетей, образующей ткань нашей жизни в сетевом обществе.

Фактически Интернет — это старая технология (впервые запущена под названием Арпанет в 1969 г.), но активное его использование, характеризующееся экспоненциальным ростом, началось с середины 1990-х годов, а последовавший расцвет связан с распространением беспроводной коммуникации нового поколения. Если в 1996 г. по всем миру насчитывалось чуть менее 40 млн пользователей Интернета, то к 2013 г. их было уже 2,8 млрд, причем самые крупные скопления пользователей сосредоточены в Китае, США и Индии. Коммуникационные технологии все чаще основываются на беспроводных платформах. В 1991 г. насчитывалось около 16 млн абонентов мобильных телефонов (телефонных номеров). К моменту написания данного текста в 2013 г. их было уже более 6,4 млрд (по самым осторожным подсчетам, можно сказать, что более 85% обитателей нашей планеты связаны через беспроводные сети). Это, конечно, самое стремительное распространение коммуникационной технологии в истории. Распространение широкополосной передачи более ограничено, однако тенденция фиксирует ускорение темпов распространения беспроводного Интернета среди разных социальных групп и на различных территориях (например, в Южной Америке охват мобильной связью населения составляет 82%, в Аргентине — свыше 120%). Прогнозы на 2014 г. утверждают, что число пользователей мобильного Интернета превысит число пользователей стационарного Интернета.

Быстрое распространение Интернета начиная с середины 1990-х годов стало результатом сочетания трех факторов:

1. Технологическое открытие Всемирной паутины Тимом Бернерсом-Ли и его готовность улучшать исходный код, сделав его доступным для глобального сообщества пользователей с помощью открытых сетевых протоколов TCP/IP, разработанных в 1973–1975 гг. Винтом Серфом и Робертом Каном. Паутина продолжает функционировать в соответствии с этим принципом открытого кода. Две трети всех сетевых серверов поддерживаются Apache — программой с открытым кодом, разработанной свободным сообществом программистов.
2. Институциональные изменения в управлении Интернетом, находящимся под общим управлением глобального интернет-сообщества, но

приватизированным и разрешающим как коммерческое, так и коллективное использование.

3. Глобальные перемены в культуре и социальном поведении: индивидуализация и осетевление.

Позвольте мне подробнее остановиться на этой последней социальной компоненте — основе развития Всемирной паутины и других интернет-сетей.

Наше общество, сетевое общество, сконструировано вокруг персональных и организационных сетей, которые поддерживаются цифровыми сетями и осуществляют коммуникацию посредством Интернета и компьютерных сетей. Такая исторически специфическая социальная структура сложилась в результате взаимодействия новой технологической парадигмы, основанной на информационно-коммуникационных технологиях, и ряда глобальных социокультурных сдвигов. Самый заметный аспект этих изменений можно обозначить как возникновение «я-центрированного» общества, или, если воспользоваться социологическим понятием, позаимствованным у Энтони Гидденса, как процесс индивидуализации, упадок традиционных общественных форм, понимаемых в терминах пространства, работы, семьи и других приписываемых характеристик человека в широком смысле слова. Это не конец сообщества и не конец основанного на пространственных характеристиках взаимодействия, но сдвиг в сторону реструктуризации социальных отношений, в том числе сильных культурных и личных связей на основе индивидуальных интересов, ценностей и устремлений.

Процесс индивидуализации — это вопрос не только культурной эволюции; он материализуется в новых формах организации экономической деятельности, а также социально-политической жизни, о чем речь шла в моей книге «Возникновение сетевого общества» («The Rise of the Network Society» (1996; 2000)). В основе этого процесса лежит трансформация пространства (появление огромных столичных агломераций — мегарегионов), времени (сдвиг от хронологического к сжатию времени), работы (появление сетевых предприятий), культуры (сдвиг от массовой коммуникации, основанной на массмедиа, к массовой самокоммуникации, основанной на Интернете), кризис патриархальной семьи в силу возрастающей автономии ее членов, замена массовой партийной политики медийной политикой и глобализация как селективное осетевление мест и процессов в рамках всей планеты. Однако индивидуализация не означает ни изоляции, ни конца общества. Социальность (склонность к установлению социальных связей. — А. Ч.) преобразуется в сетевой индивидуализм и создание сетевых сообществ через поиск индивидов-единомышленников, в этом процессе онлайн-овое взаимодействие сочетается с офлайн-овым, а киберпространство — с конкретным физическим местом. Индивидуализм — ключевой процесс в создании субъектов (индивидуальных или коллективных); осетевление — это организационная форма, создаваемая этими субъектами: это сетевое общество, а такую форму социализации Б. Уэллман обозначил

как сетевой индивидуализм [Rainie, Wellman, 2012]. Сетевые технологии являются медиумом — посредником между этой новой социальной структурой и новой культурой. И это — глобальное сетевое общество, поскольку глобализация — распространение сети сетей.

Всякая новая форма социальной организации и всякий процесс глобальных технологических перемен порождают собственную мифологию. Отчасти потому, что они становятся практикой прежде, чем ученым удастся оценить и просчитать все возникающие при этом эффекты и последствия, поэтому между социальными изменениями и их осмыслением всегда существует зазор. Отчасти из-за того, что люди не знакомы с социальной наукой: они смотрят телевизор, читают прессу, слушают радио, не подозревая, что любое медиа предпочитает сообщать плохие, а по возможности очень страшные новости. Например, их сообщения разоблачают увлечение Интернетом, как приводящее к отчуждению, изоляции, депрессии и оторванности от социума. На деле факты говорят об обратном [Rainie, Wellman, 2012; Cardoso et al. (eds), 2009]: такой взаимосвязи вообще не существует; напротив, существует в высшей степени позитивная взаимосвязь между Интернетом и паттернами социализации: чем общительнее люди, тем больше они пользуются Интернетом, а чем больше они пользуются Интернетом, тем общительнее они как в сети, так и вне ее, тем выше их уровень гражданского участия, тем интенсивнее их семейные и дружеские связи во всех культурах, как показывают исследования (я опираюсь на данные World Internet Survey, USC; Oxford Internet Survey for Britain; Virtual Society Project in Britain; Pew American Life and Internet Project; Project Internet Catalonia; Nielsen Reports Worldwide; World Values Survey; University of Michigan; Berkman Center, Harvard University; Observatorio de Sociedade da Informacao в Португалии и т.д.).

Итак, то, что я считаю фундаментальным социальным эффектом, придающим иной смысл Интернету и сети во всех сферах человеческого опыта, — это содействие социальным акторам в доступе к «технологиям свободы» (Итиэль да Сола Пул) с целью достижения ими автономии от институтов и организаций.

Конструирование автономии в век Интернета

Ключевым моментом процесса индивидуализации оказывается конструирование автономии социальными акторами, которые являются субъектами этого процесса. Они делают это, формируя собственные цели во взаимодействии с социальными институтами, но не подчиняясь им. Это — удел меньшинства, но, обладая лидерскими качествами и способностью мобилизовать других людей, они закладывают основы новой культуры во всех сферах общественной жизни: в труде (предпринимательство), в медиа (активная аудитория), в Интернете (креативный пользователь), на рынке (просвещенный «просюмеризм»: производитель-потребитель), в образо-

вании (студенты как информированные критически мыслящие личности, электронное и дистанционное обучение, обучение с помощью мобильных устройств, открытые онлайн-курсы и т.д.), в здравоохранении (ориентированная на пациентов система менеджмента в здравоохранении), в рамках электронного правительства (информированный, участвующий в общественной жизни гражданин), в области социальных движений (культурные сдвиги на низовом уровне, в частности феминизм или энвайронментализм), в политике (независимо мыслящие граждане, способные к участию в самосозидаемых политических сетях). Источники, которые мы упоминали выше, описывая социальные воздействия Интернета, приводят доказательства прямой связи между Интернетом и ростом социальной автономии. Эти выводы согласуются с результатами интересного исследования, проведенного в Великобритании в 2010 г. социологом Майклом Уиллмотом с использованием глобальных данных Мирового обзора Мичиганского университета. Из различных обзоров, особенно маркетинговых исследований, мы знаем, что больше всего людей заботит их счастье (в соответствии с целым рядом психологических показателей). Согласно исследованию Уиллмота, Интернет, судя по всему, помогает людям чувствовать себя счастливыми¹. Исследование показало, что (с учетом ряда других факторов) использование Интернета усиливало у людей ощущение безопасности, личной свободы и собственной значимости. Все эти чувства оказывают положительное воздействие на переживание счастья и личного благополучия. Этот эффект оказывается особенно значимым для людей со сравнительно невысоким доходом и профессиональным уровнем, для жителей развивающихся стран и для женщин. При этом возраст, похоже, не имеет значения, поскольку положительная корреляция прослеживается у людей всех возрастов. Почему женщины? Потому что они находятся в центре их семейной сети, и Интернет помогает им организовать свою жизнь. Он также помогает им преодолеть изоляцию, особенно в условиях патриархальных обществ. В неопубликованном докладе «Тренды 2010» Исследовательской группы британского оператора мобильной связи OS2 также говорится о высокой ценности, которую люди придают счастью, и о положительной корреляции между социализацией и автономией в переживании ощущения счастья. Таким образом, пользование Интернетом и беспроводными средствами коммуникации оказываются факторами, положительно влияющими на переживание «счастья», с учетом всех прочих переменных. Это связано с тем, что пользование Интернетом повышает

¹ В Докладе Британского компьютерного общества (Сертифицированного института информационных технологий) от 12 мая 2010 г. говорится о наличии связи между доступом к Интернету и переживанием счастья; исследование проводилось британским научным центром Trajectory Partnership. В ходе исследования были проанализированы 35 тыс. человек (мировая выборка, данные Обзора мировых ценностей за 2005–2007 гг.). Доклад был сделан социологом Майклом Уиллмотом, автором исследования <www.time.com/time/health/article/0,8599,1989244,00.html>.

социальную активность и усиливает ощущение своей значимости, а это два важнейших фактора, определяющих уровень удовлетворенности человека своей жизнью.

В продолжение этой тенденции наращивания автономии в первое десятилетие XXI в. произошла глубочайшая социальная трансформация Интернета — сдвиг от индивидуального и корпоративного взаимодействия посредством Интернета (например, пользование электронной почтой) в сторону автономного конструирования социальных сетей, контролируемых и управляемых их пользователями. Всего за несколько лет, начиная с 2002 г., произошел взрывной рост социальных сетей, таких как Friendster, Facebook, YouTube, Twitter, Twenti, QQ, Baidu, Cyworld, ВКонтакте, Skyrock, Orkut и сотен других [Naughton, 2012]. Напомним: «Сайты соцсетей — это сетевые сервисы, которые позволяют индивидам: 1) создавать публичный или частично публичный профиль в рамках фиксированной системы; 2) формировать список пользователей, с которыми они хотели бы установить связь; 3) просматривать свои и чужие списки связей в пределах данной системы и находить в них пересечения» [Boyd, Ellison, 2007]. К ноябрю 2007 г. социальными сетями пользовались уже чаще, чем электронной почтой, а к июлю 2009 г. число пользователей социальных сетей превысило число пользователей электронной почты.

Таким образом, самая бурная интернет-активность разворачивается в социальных сетях, и именно сайты социальных сетей (ССС — SNS) становятся площадками для всех видов деятельности — не только для персонального дружеского общения или чатов, но и для маркетинга, электронной коммерции, образования, творческой креативности, медиа- и развлекательных проектов, советов по оздоровлению и социально-политического активизма. Это важнейшая тенденция для общества в целом. СССР создают пользователи сами, используя как специфические критерии объединения в группы (предпринимательство — создание сайтов, а затем популярность этих сайтов у пользователей), так и более широкий контекст дружеских сетей, которые пользователи приспособливают под свои нужды, самостоятельно выбирая уровень самораскрытия или приватности. Ключ к успеху — не анонимность, а наоборот, самопрезентация живого человека, устанавливающего связи с другими реальными людьми (в некоторых случаях тех, кто лжет, могут исключить из числа контактов). Таким образом, это сообщества, самостоятельно конструируемые в сети посредством включения в сеть других людей. Но это не виртуальные сообщества: существует тесная связь между виртуальными сетями и сетями в реальной жизни. Это гибридный мир, реальный мир; не виртуальный или изолированный мир.

Люди создают сети, чтобы устанавливать контакт с другим людьми, чтобы быть с теми, с кем они хотят быть, с теми, кто отвечает определенным критериям, в том числе с теми, кого они уже знают (но не со всеми, а с избранными ими). Это постоянная подключенность, распространяемая и поддерживаемая с помощью мобильных коммуникаций [Castells et al.,

2006]. Если нам так необходим ответ на вопрос, что случилось с социальными связями в мире Интернета, то вот он: произошел колоссальный рост социальности, но социальности особого рода. Она стала проще и динамичнее благодаря постоянной подключенности и социальным сетям в Интернете. Тут дело не просто в дружбе или в межличностном общении. В Интернете люди делают что-то вместе, чем-то делятся, совершают поступки — в точности, как в реальном обществе, только в реальном обществе всегда есть измерение личного присутствия. Социальные сети — это живые пространства, в которых пересекаются все измерения человеческого опыта. Это видоизменяет культуру, потому что общение в сети требует небольших эмоциональных затрат, сберегает усилия и энергию. Пользователи преодолевают границы времени и пространства, производя при этом контент, создавая веб-ссылки и соединяя в сети различные практики. Это мир сетей, пронизывающих все сферы человеческого опыта. Люди совместно развиваются в непрестанном взаимодействии на множестве уровней. Но при этом они сами выбирают условия этого совместного развития. Таким образом, люди живут своей физической жизнью и при этом все больше включаются в бесконечное разнообразие социальных сетей. Парадоксальным образом виртуальная жизнь более социально разнообразна, нежели физическая, на которую накладывают свой отпечаток организация труда и условия жизни в городе. Но эти люди живут не в виртуальной реальности; эта виртуальность вполне реальна, поскольку она облегчает социальные практики, обмен и жизнь в обществе в рамках того, что я называю пространством потоков.

Поскольку люди все чаще и со все большими удобствами пребывают в мультитекстуальной и многомерной реальности Сети, маркетологи, организации по подбору персонала, сервисные службы, правительства и некоммерческие организации массово перекочевывают в Интернет, не столько создавая альтернативные сайты, сколько наращивая свое присутствие в социальных сетях, которые люди создают сами и для себя, прибегая к помощи работающих с социальными сетями Интернет предпринимателей для подстраивания их под свои нужды; некоторые из этих предпринимателей стали миллиардерами, фактически продавая людям свободу и возможность самостоятельного конструирования собственной жизни.

Освобождающий потенциал Интернета стал материальной практикой. Крупнейшие из социальных сетей обычно представляют собой управляемые компанией-разработчиком социальные пространства с определенными границами. Однако если компания попытается ограничить свободную коммуникацию, она рискует потерять многих из своих пользователей, потому что входные барьеры в этой индустрии, как я уже говорил, очень низкие: именно это произошло с AOL и другими социальными сетями первого поколения, и то же самое может произойти с Facebook и любой другой социальной сетью, если они попытаются поэкспериментировать с правилами открытости (Facebook пытался заставить пользователей платить, но дал задний ход буквально за считанные дни). Социальные сети часто являются

ся коммерческими предприятиями, но их бизнес — продажа свободного самовыражения и выбор склонности к установлению социальных связей. Играя нечестно, отказываясь от своих обещаний, они рискуют остаться в одиночестве, когда их пользователи вместе со своими друзьями начнут перебираться в более дружественные виртуальные земли.

Самое яркое проявление этой новой свободы — трансформация властных отношений, проявляющаяся в интернет-практиках, возвращает нас к основной теме книги после того, как мы рассмотрели конструирование этой автономии в контексте трансформации коммуникации в результате возникновения воплощенной в Интернете культуры свободы. Я обращаюсь теперь к WikiLeaks и сетевым социальным движениям, чтобы проиллюстрировать трансформацию их взаимоотношений в цифровом сетевом мире.

WikiLeaks и контроль над информацией

Опыт WikiLeaks представляет серьезный вызов монополии правительств и других могущественных организаций на важную информацию, которую они хотели бы утаить от общественности, нарушая тем самым права граждан, критерии которых установлены самими этими правительствами.

Так много шума и дезинформации скопилось вокруг этой истории, что я счел необходимым для обоснования моей аргументации еще раз пересмотреть некоторые факты, связанные с деятельностью WikiLeaks.

WikiLeaks — это международная организация, которая публикует материалы, полученные от анонимных источников и содержащие секретную информацию. Веб-сайт был запущен в 2006 г. в Исландии (основной владелец — The Sunshine Press), начав публиковать конфиденциальную информацию в декабре 2006 г. Было заявлено, что располагаемая база данных состоит из более чем 1 млн документов. По некоторым сведениям, состав основателей WikiLeaks был весьма пестрым: туда входили китайские диссиденты, журналисты и IT-предприниматели из США, Тайваня, Европы, Австралии и Южной Африки, хотя официально они нигде не были обозначены. Предполагаемый основатель WikiLeaks, ныне всемирно известный Джулиан Ассанж, австралийский интернет-активист, называл себя просто одним из членов консультативного совета, хотя в 2007 г. он стал реальным лицом организации. Первоначально веб-сайт был запущен по модели вики-сайта, который редактируют пользователи, но быстро перешел к более традиционной модели публикаций и больше не допускает комментариев или исправлений. Таким образом, *leaks* (утечки) на деле оказались более значимы, чем *wiki* (от *гавайс*. — быстрый). В свое время у сайта было свыше тысячи волонтеров, и им управлял консультационный совет, в котором ведущую роль играл Ассанж, пока ему не стало угрожать судебное преследование в Швеции, Великобритании, США и ряде других стран. Цель организации — гарантировать журналистам и всем, кто предоставляет разоблачительную информацию, защиту от судебного пре-

следования. WikiLeaks всегда стремилась поддерживать финансирование на таком уровне, который позволял бы проекту продолжаться. Благодаря закрытости неразглашаемых источников финансирования сайту удавалось неплохо выживать до тех пор, пока его деятельность не была существенно затруднена блокированием финансовых счетов проекта правительствами США и других стран; впрочем, закрыть сайт они так и не смогли.

Персона Ассанжа — яркое воплощение нового бренда — активиста, пришедшего из мира хакеров; дело их жизни — сохранить свободу в Интернете, используя его для реализации важнейшей демократической практики информационного общества — права на информацию. Он был австралийским журналистом, разработчиком программного обеспечения и интернет-активистом. В юности он был программистом и хакером, хотя позже и пытался преуменьшить значение этой деятельности. В действительности в 1987 г., в возрасте 16 лет, Ассанж начал свою хакерскую карьеру, взяв себе прозвище Мендакс; вместе с двумя другими хакерами он организовал группу под названием «The International Subversives» (Международные диверсанты). Ассанж сформулировал правила, которым должен руководствоваться «хороший хакер»: «Не повреждать компьютерные системы, которые взламываешь (в том числе не обрушивать их); не менять информацию в этих системах (менять можно только записи, чтобы замести следы); делиться информацией». Personal Democracy Forum охарактеризовал его как «самого знаменитого австралийского хакера с этическими представлениями». Однако Федеральная полиция Австралии в деятельности Ассанжа никакой этики не усмотрела и начала расследование его хакерских атак. В сентябре 1991 г. после того как Мендакс взломал центральный мельбурнский терминал компании Nortel, полиция поставила телефон Ассанжа на прослушку и провела обыски в его доме в Мельбурне. Его обвинили в незаконном доступе к компьютерам одного из австралийских университетов, 7-й оперативной группы ВВС США и других организаций. В суде ему предъявили обвинение в 31 случае хакерских атак и сопутствующих преступлений. Хотя Ассанж отверг утверждение, что хакерство — это преступление, однако признал себя виновным в 25 случаях хакерских атак. По шести пунктам обвинения были сняты. Ассанжа отпустили под обязательство исправиться, назначив ему штраф в размере 2 тыс. австрал. долл. Судья сказал, что «нет никаких доказательств того, что ответчиком руководило что-то еще, кроме любознательности и удовольствия от возможности проникнуть в самые разные виды компьютерных систем», и заявил, что Ассанж отправился бы в тюрьму на срок до 10 лет, если бы у него не было такого трудного детства. Позже Ассанж так прокомментировал эту ситуацию: «Все это слегка раздражает, если честно. Я написал в соавторстве книжку об этом [о хакерстве], есть документальные фильмы об этом, и люди много об этом говорят. Оттуда многое можно надергать. Но все это было 20 лет назад. Меня очень раздражает, когда нынешние газеты называют меня хакером. Я этого не стыжусь, я горжусь этим. Но я понимаю, какие мотивы

ими движут, когда они сейчас называют меня хакером. Это очень конкретные мотивы и причины». Он путешествовал по миру, отстаивая свободу самовыражения и право граждан на информацию. WikiLeaks вышел на авансцену мировой информационной политики в 2010 г., когда он опубликовал засекреченную информацию об участии Америки в войнах в Афганистане и Ираке. Чтобы вызвать доверие к опубликованной им информации, Ассанж заключил соглашение с ведущими мировыми изданиями о том, что им будет предоставлен доступ к наиболее важной информации, добытой WikiLeaks. 28 ноября 2010 г. WikiLeaks и пять его медийных партнеров (Der Spiegel, The New York Times, Le Monde, The Guardian и El Pais) начали публикацию секретных донесений американских дипломатов. Подобный симбиоз вполне симптоматичен для современного проправительственного журнализма. Доверие по-прежнему вызывают уважаемые новостные медиа, в то время как имеющая решающее значение информация часто добывается и публикуется независимыми социальными акторами на свободных просторах Интернета. Ассанжа и WikiLeaks многие приветствовали как Робин Гудов Информационной эры. Было ясно, что работают они на идею, поскольку их цель — предоставить гражданам доступ к важнейшей информации о поведении и стратегиях облеченных властью людей и организаций, которые принимают важнейшие в мире решения, не заботясь о мнении общественности и каком бы то ни было публичном обсуждении. Несколько фондов номинировали Ассанжа на награды, признав его роль в распространении важной информации и преодолении барьеров секретности. В 2010 г. он получил от «Time Magazine» Приз читательских симпатий, присуждаемый Человеку года. В то же время после публикации компрометирующих Госдепартамент США дипломатических депеш государственная машина обрушила на Ассанжа всю свою карающую мощь. В Швеции он был объявлен в розыск по обвинению в сексуальных преступлениях, а в США одного из предполагаемых источников Ассанжа рядового Брэдли Мэннинга ждет приговор военного суда и долгий тюремный срок по обвинению в разглашении государственной тайны. Ассанж был арестован в Лондоне 7 декабря 2010 г. В настоящее время (на 2013 г.) он находится под защитой посольства Эквадора в Лондоне, сбежав из-под домашнего ареста в Англии в ожидании слушания по делу об экстрадиции. Ассанж отверг все обвинения и полагает, что его подставили по политическим причинам. Британское правительство отклонило просьбу Эквадора позволить Ассанжу покинуть страну.

Почему же самое могущественное правительство в мире так обеспокоено деятельностью WikiLeaks и почему большинство правительств объединились в попытках уничтожить WikiLeaks? И почему крупнейшие корпорации последовали их примеру? Я не стану вступать в идеологические споры по поводу свободы самовыражения, а просто расскажу, чем занимается WikiLeaks. На деле, это новая форма независимого журнализма. Метод WikiLeaks характерен для новых практик, которые Бреге ван дер Хаак на-

зывает сетевой журналистикой [Van der Haak et al., 2012]. У этого метода есть свой хитрый момент: в центре внимания сайта — задачи шифрования и безопасности в целях защиты «ликеров» — тех, кто поставляет, «сливает», информацию изнутри системы. WikiLeaks — это проводящая расследования журналистская организация, пользующаяся изощренными технологиями безопасности (криптографией), чтобы защитить анонимные источники; источники пользуются программой Dropbox, не позволяющей идентифицировать личность, передающую секретную информацию. Собственно, именно так была всегда устроена практика шпионажа. Разница только в том, что ныне не правительства шпионят друг за другом или за гражданами и организациями, а за самими правительствами и корпорациями шпионят легионы разоблачителей, таящихся внутри их бюрократических недр. Тем не менее многие из тех, кто сотрудничал с командой Ассанжа, критиковали ее за недостаточные гарантии безопасности для информантов; по этой причине организацию покинул один из лидеров — стоявший у ее истоков Даниэль Домштад-Берг, основавший затем OpenLeaks.

Как только информация попадает в WikiLeaks, редколлегия оценивает надежность этой информации в процессе проверки сведений в тех странах (например, Ирак), откуда исходит информация. Подобная форма работы с новостями оказывается недостижимой для традиционных политических или корпоративных центров контроля за информацией. Редколлегия публикует собственный анализ информации вместе с исходными документами, содержащими эту информацию. При этом члены редколлегии устраняют все детали, которые могли бы подставить их источник под удар, хотя критики проекта часто оспаривают решения, выносимые редколлекцией по этим вопросам. Важная часть организации — сильная юридическая служба, способная предоставить необходимую защиту. Кроме того, группе доверенных лиц, поддерживающих проект, были переданы зашифрованные файлы, в которых содержится компрометирующая определенные властные центры информация, с указаниями расшифровать и опубликовать их в качестве ответного удара в случае атак на WikiLeaks или на участников проекта.

Чтобы не допустить раскрытия своих источников, WikiLeaks при поддержке интернет-активистов и организаций, отстаивающих свободу информации во всем мире, разработала сложную систему анонимности, включающую как активное использование электронных окон удаления, так и традиционные формы тайных связей: засекреченные личные встречи или переписка из интернет-кафе. Учитывая непрерывные кибератаки со стороны правительств и корпораций (особенно со стороны Bank of America, а также сотрудничающих с ним юридических организаций и специалистов по информационной безопасности), WikiLeaks размещается на нескольких серверах в разных странах (часть из них засекречена) и использует множество доменных имен. Одно время серверы WikiLeaks размещались в Швеции. До августа 2010 г. сайт размещался на сервере PRQ — базирующейся в Швеции компании, которая специализируется на предоставлении безопас-

ного хостинга, не требуя доступа к информации, хранящейся на ее серверах. Затем серверы WikiLeaks работали под защитой шведского интернет-провайдера Bahnhof в Пионен, бывшем ядерном бункере в Стокгольме. 17 августа 2010 г. было объявлено, что Пиратская партия Швеции предоставит финансирование и хостинг многим из новых серверов WikiLeaks, а также обеспечит диапазон частот и техническое сопровождение. В этом смысле WikiLeaks стала одновременно и символом, и инструментом всемирного движения за свободу информации и за Интернет как незаменимую платформу для осуществления этой свободы. Однако проблемы WikiLeaks на этом не закончились, поскольку ее серверы подверглись серии DOS-атак (отказов в обслуживании), предположительно со стороны разведывательных служб различных государств всего мира. WikiLeaks попытался переместить свой веб-сайт на серверы Amazon; но это был весьма недолговечный эксперимент, так как вскоре Amazon присоединился к атакам на WikiLeaks и убрал сайт со своих серверов под предлогом нарушения авторских прав. Тогда WikiLeaks перебралась на серверы OVH, частной хостинговой компании во Франции. Французское правительство немедленно затребовало судебное постановление, объявляющее это перемещение незаконным. На момент своего ареста в 2010 г. Ассанж собирался перенести все операции в Швейцарию и Исландию — страны, обеспечивающие более надежную правовую защиту.

Тревога, которую внушает мировым правительствам и корпорациям по всему миру деятельность WikiLeaks, — нечто совершенно поразительное. Благодаря ряду скоординированных на международном уровне действий был нанесен удар лично по Ассанжу, серверы организации подверглись кибератакам, поддерживающие ее компании подверглись правительственному давлению, для разоблачения источников WikiLeaks были наняты компании, специализирующиеся на информационной безопасности, а также были заморожены источники финансирования, когда Visa, Master Card и Paypal отказались обслуживать ее финансовые операции. Причина столь яростной реакции правительств и корпораций, похоже, заключается в том, что тысячи конфиденциальных документов, добытых и обнародованных WikiLeaks, показали нам их «кухню» — чем занимаются правительства и корпорации втайне от граждан и клиентов. Поскольку власть основывается на контроле за информацией, что подразумевает наличие секретности, то осуществление конституционного права — предоставление свободного доступа к информации — угрожает самим основам власти высших слоев общества.

Однако этим brutальным атакам по всем направлениям не удалось свалить WikiLeaks или остановить ее информационные вбросы, обличающие пороки правительств и корпораций по всему миру — от коррупции до попрания прав человека (включая «легальные» убийства и пытки), от разрушения окружающей среды до цензуры в СМИ. Дело в том, что в бой вступили борцы за свободу Интернета, такие как Anonymouse, и легионы хакеров и активистов с переднего края этой борьбы. Что же касается финанси-

рования, то когда PayPal в 2010 г. заблокировал переводы пожертвований для WikiLeaks, полученные ею средства составили всего треть от суммы, собранной в 2009 г. Поэтому 2011 г. WikiLeaks начала принимать переводы через Bitcoin, новую сеть альтернативного финансирования в США. Наряду с этим защиту WikiLeaks от попыток компании Valitor, через которую проходила часть пожертвований, заморозить переводы, обеспечила также исландская юрисдикция. В июле 2012 г. WikiLeaks, будучи на грани банкротства, заключила соглашение с Фондом защиты нейтральности в Сети (Fund for the Defense of Net Neutrality, FDNN), в соответствии с которым переводы для WikiLeaks осуществляются с помощью Carte Bleue; этим операциям предоставляется правовая защита, препятствующая MasterCard и VISA вмешиваться в транзакции.

В условиях беспощадных атак на WikiLeaks и заточения Ассанжа в стенах посольства Эквадора в Лондоне созданная WikiLeaks независимая информационная модель была воспринята рядом новых организаций эпохи свободной цифровой коммуникации, таких как Friends of WikiLeaks — социальная сеть для тех, кто поддерживает WikiLeaks, запущенная в декабре 2011 г.; Brussels Leaks — сеть активистов и журналистов, провозгласивших своей задачей «вывести теневые взаимодействия внутри Европейского Союза в публичную сферу»; PPLEaks и PSOELeaks, в чьи задачи входит разоблачение постоянных скандалов в двух основных политических партиях Испании — Partido Popular и PSOE; TradeLeaks, созданный Русланом Коганом в Австралии с целью «делать в сфере бизнеса то, что WikiLeaks делает в политике». Существует также RuLeaks, который стремится воспроизвести модель WikiLeaks в России. Целью Indoleaks является индонезийское правительство. Leakymails добывает и публикует информацию о коррупции в политическом классе в Аргентине; ряд местных и региональных подобию WikiLeaks в сетях США и Объединенного Королевства делают достоянием общественности тайную деятельность местных элит. На практике буквально каждый месяц возникают альтернативные новостные организации, часто уже не вызывая такого же сильного беспокойства по поводу безопасности по сравнению с важнейшими социальными движениями эпохи Интернета, когда на пике своей активности находились WikiLeaks, Anonymous и тысячи хакерских групп.

Тем не менее возможности Wikileaks обнародовать секретную информацию, делая ее достоянием граждан, были ограничены из-за шквала обрушившихся на нее международных репрессий, а также из-за ужесточения процедур внутреннего контроля в правительствах и корпорациях. Практика секретности никуда не исчезла, поскольку она составляет сердцевину власти, однако отныне властвующие живут в постоянном страхе, что за ними надзирают с помощью анонимных сетевых структур, независимых от их контроля. Именно то, что те, кто тысячелетиями надзирали за другими, сами оказались под надзором, привело к фундаментальным изменениям во властных отношениях в цифровую эпоху.

Интернет и сетевые социальные движения

Между 2010 и 2013 гг. (за короткое время после публикации этой книги) довольно неожиданно во всем мире возникло множество крупных социальных движений — от Исландии до Туниса и большинства арабских стран, от Испании до США, в тысячах городов (около тысячи городов в одних только США) в более чем сотне стран.

Мотивы возникновения и результаты деятельности этих движений весьма различны. На Западе их запустили протесты против правительств, оказавшихся неспособными справиться с финансовым кризисом 2008—2012 гг.; в арабских странах причиной стали продовольственный кризис и недовольство авторитарными режимами. Но во всех случаях триггером оказалось яростное негодование — индивидуальное и коллективное — на социальную несправедливость и чувство унижения, вызванное высокомерием политического истеблишмента. Более того, существует чрезвычайно сильный общий паттерн, не зависящий от культурного и институционального контекста. С целью выявления этого паттерна я буду опираться на полевое исследование, которое в качестве руководителя я провел в сотрудничестве с сетевой группой моих коллег в Испании, США, Европе и арабских странах; я также использовал различные вторичные источники, в том числе материалы, опубликованные в Интернете. Результаты этого исследования изложены в книге «Сети гнева и надежды» («*Networks of Outrage and Hope*») [Castells, 2012], в которой читатель найдет эмпирический материал и теоретические разработки, подтверждающие представленный в данном тексте анализ. У исследуемых мною социальных движений, а также у тех, что возникли в самое последнее время, прослеживается ряд общих характеристик, которые полезно рассмотреть в связи с теорией власти и контр-власти, изложенной в данной книге.

Каждое из этих недавно возникших социальных движений является сетью во всем многообразии ее форм; использование Интернета и мобильных коммуникационных сетей играет важнейшую роль для организации такого движения. Каждое такое движение зародилось изначально в интернет-сетях, а его члены продолжали дискуссии и мобилизовывались через Интернет еще долгое время спустя после того, как СМИ объявили о распаде движения. Для социальных движений всегда была важна коммуникация во всех видах, будь то памфлеты, манифесты, телевидение или радио, а Интернет идеально подходит для задач коммуникационной автономии, которая необходима каждому социальному движению: обычно правительствам и корпорациям нелегко контролировать такие коммуникации, и в то время, когда им все-таки удастся установить свое управление коммуникациями, движение уже невозможно остановить.

Сетевые формы мультимодальны, они включают как онлайн-овые, так и офлайн-овые социальные сети, а также предшествовавшие движению или стихийно возникшие в ходе его развития формы социальных сетей. Сети внутри самого движения соединяют его с другими движениями по всему

миру: с блогосферой, медиа и обществом в целом. Сетевые технологии чрезвычайно важны, поскольку они обеспечивают платформу для продолжающейся и расширяющейся сетевой практики, которая развивается вместе с движением. Хотя, как правило, движения укоренены в городском пространстве через его захват и уличные демонстрации, их непрерывное существование имеет место именно в свободном пространстве Интернета. Они не нуждаются в формальном лидерстве, командном и контролирующем центре, или вертикальной организации, чтобы распространять информацию или указания. И действительно, это, как правило, движения без лидеров, но не из-за отсутствия таковых, а в силу глубокого, спонтанного недоверия большинства участвующих в движении к любым формам делегирования властных полномочий. Поскольку это сети сетей, они могут обойтись без четко фиксированного центра и тем не менее успешно осуществлять скоординированные действия, в том числе и децентрализацию, благодаря взаимодействию множества узлов. Учитывая, что это открытые сети без четко обозначенных границ, постоянно меняющие свою конфигурацию в зависимости от степени участия в них населения, подобная децентрализованная структура максимизирует возможности вовлечения в движение, а также снижает уязвимость движения перед угрозами репрессий, поскольку конкретных мишеней (за исключением мест скопления народа) для таких репрессий нет. До тех пор пока в движении достаточно участников, объединенных общими целями и ценностями, сеть способна постоянно обновляться. Сетевая структура, следовательно, защищает движение не только от противников, но и от внутренних опасностей — бюрократизации и манипуляций.

Обычно эти движения зарождаются в социальных сетях Интернета, но начинают опознаваться как движения только тогда, когда оккупируют городские пространства, часто митингуя на площадях или проводя уличные демонстрации. Пространство таких движений включает взаимодействие между пространством потоков в Интернете и беспроводных коммуникационных сетях и пространством захваченных физических мест и символических зданий, выбранных для акций протеста. Этот гибрид киберпространства и городского пространства создает третье пространство, которое я называю *пространством автономии*. Использование этого термина связано с тем, что автономия может быть обеспечена только благодаря возможности ее создания в свободном пространстве коммуникационных сетей, но реализовать ее в качестве трансформирующей силы, бросающей вызов дисциплинарному институциональному порядку, можно только тогда, когда граждане заявляют свои права на городское пространство. Автономия без сопротивления становится изоляцией. А сопротивление без постоянной опоры на автономию в пространстве потоков равносильно митинговой «движухе». Таким образом, пространство автономии — это новая пространственная форма сетевых социальных движений.

Новые социальные движения одновременно локальны и глобальны. Каждое возникает в собственном конкретном контексте в силу определенных обстоятельств, каждое создает собственные сети и собственное

публичное пространство, физически обозначая свое присутствие в городском пространстве и подключаясь к сетям в Интернете. В этом смысле они локальны, но они также глобальны, поскольку связаны благодаря сетям с подобными движениями во всем мире, и они учатся и вдохновляются опытом других. Более того, они включены в постоянные глобальные дебаты, разворачивающиеся в Интернете, и периодически призывают к совместным манифестациям — одновременно в нескольких местах в разных странах мира. Этим движениям свойственно осознание и выражение глубокой озабоченности общими проблемами всего человечества, они явно демонстрируют принадлежность к культуре космополитизма, но одновременно и укорененность в своей специфически конкретной идентичности. В некотором смысле эти движения — предвестники устранения существующего раскола между локальной общинной идентичностью и глобальным индивидуальным осетевлением — объединением в общую сеть

С точки зрения их происхождения, эти движения по большей части возникают спонтанно; обычно триггером их появления становится внезапно вспыхивающее негодование, связанное либо с каким-то конкретным событием, либо с накопившимся недовольством действиями правящих. Во всех случаях их порождает призыв к действию, идущий из пространства потоков с целью мгновенно создать общность людей для выражения протеста в физическом пространстве. Источник этого призыва менее важен, чем влияние, которое это послание оказывает на множество разрозненных его получателей, эмоционально откликающихся на содержание и форму этого сообщения. Воздействие визуальных образов невозможно переоценить. На ранних стадиях этих движений YouTube всегда является одним из наиболее эффективных инструментов. Сцены насильственного подавления протестных выступлений силами полиции или бандитов оказывают особенно мощное воздействие.

Следуя логике функционирования сетей в Интернете, движения приобретают широкое распространение среди пользователей не только потому, что это заложено в вирусной по своему характеру природе распространения сообщения, но также и в силу эффекта подражания, результатом которого становятся вспышки движений повсюду. Мы можем наблюдать их стремительное распространение от страны к стране, от города к городу, от одного института к другому. Просматривание и прослушивание сообщений о протестах повсюду, даже в самых удаленных областях или в иных культурах, вдохновляет на мобилизацию, поскольку порождает надежду на возможность перемен. И когда делиберация захватывает пространство автономии, надежда перерастает в яростный протест.

Горизонтальные мультимодальные сети, как в Интернете, так и в городском пространстве, порождают чувство сплоченности, общности; это очень важно, поскольку именно благодаря этому чувству люди преодолевают страх и обретают надежду. Сплоченность — это не то же самое, что сообщество, потому что сообщество подразумевает набор общих ценностей, в то время как внутри движения этому набору еще только предстоит выра-

ботаться, поскольку большинством участников движут их собственные мотивы и цели, а возможная общность между ними начинает формироваться в практике движения. Таким образом, сообщество — это цель, которую предстоит достичь, в то время как сплоченность — это точка отсчета, источник силы: *Juntas podemos* (*исп.* — вместе мы можем).

Участники сетевых социальных движений обладают высокой степенью саморефлексии: они постоянно задаются вопросами о себе самих, не только как о членах движения, но и как об индивидах — кто они, чего они хотят, чего желают достичь, на что похожи демократия и общество, к которым они стремятся, как избежать заблуждений и ловушек, в которые угодило так много потерпевших неудачу движений из-за того, что они стали воспроизводить механизмы той самой системы политического делегирования, которую они хотели изменить именно в том, что касается автономии и власти. Эта саморефлексия проявляется не только в продвижении к формированию сферы совещательности (делиберации) в обществе, но и на многочисленных интернет-форумах, в массе дискуссий, происходящих в блогах и в SNS-группах. Одна из ключевых тем подобных обсуждений — это вопрос о насилии, с которым движения неизбежно сталкиваются в своей деятельности.

В принципе это ненасильственные движения, практикующие, как правило, мирное гражданское неповиновение. Но рано или поздно им приходится физически занимать публичное пространство и применять тактики давления на органы политической власти и бизнес-организации, поскольку они отдают себе отчет в том, что вряд ли удастся добиться справедливого отношения к ним через существующие институциональные каналы. Таким образом, использование силы разной степени интенсивности в зависимости от институционального контекста и сложности стоящего перед движением вызова — это периодически повторяющийся на протяжении процесса любого коллективного действия опыт. Поскольку цель всех движений — выступать от имени всего общества, им совершенно необходимо поддерживать свою легитимность, противопоставляя мирный характер собственной деятельности насилию со стороны системы. И действительно, каждый случай полицейского насилия усиливает сочувствие к движению у граждан, оживляя и само движение. И в то же время нелегко и на персональном, и на коллективном уровне сдержать в себе базовый инстинкт самосохранения. Это было особенно тяжело в случае с восстаниями на Ближнем Востоке, когда, столкнувшись с постоянно повторяющимся жестким вооруженным насилием со стороны властей, некоторые демократические движения в конечном счете втянулись в кровавую гражданскую войну, тем самым перестав быть социальными движениями. Очевидно, что в либеральных демократиях дело обстоит совершенно иначе, но произвол и безнаказанность полицейского насилия во многих случаях спровоцировали ответные действия небольших решительно настроенных групп, готовых на силовую конфронтацию с системой с целью разоблачить насильственный характер последней. Демонстрация насилия — эксклюзивный зрелищный материал медиасообщений — играет на руку тем политикам и лидерам мнен-

ний, целью которых является стремление как можно скорее подавить критический настрой, воплощаемый в этом движении. Остро стоящий вопрос насилия — это не только дело тактики. Это определяющий момент в жизни и смерти движений, поскольку они имеют шанс произвести социальные перемены только в том случае, если их практика и дискурс порождают согласие в обществе в целом (на 99%).

Эти движения редко обладают четкой программой, за исключением тех случаев, когда они фокусируются на единственной очевидной задаче: долой диктатуру. Обычно они выдвигают множество требований: чаще всего это всевозможные требования граждан, желающих самостоятельно определять условия своей жизни. Но именно потому, что требований так много, а побудительных мотивов бесчисленное множество, эти движения не могут создать формальной организации или лидерства, поскольку согласие и сплоченность участников зависят от *ad hoc* обсуждений и ситуативных протестов, а не от соответствия какой-то программе, выстроенной вокруг определенных целей: в этом одновременно и сила этих движений (привлекательность для широкого круга) и их слабость (как можно достичь чего-то, если цели не определены?). Соответственно, они не могут сосредоточиться на какой-то одной задаче или конкретном проекте. Вместе с тем их энергию нельзя канализировать в строго инструментальную политическую акцию. Вот почему их так трудно привлечь к себе политическим партиям (к которым повсюду относятся с недоверием), хотя политические партии могут извлечь выгоду из перемен в сознании, спровоцированных конкретным движением путем влияния на общественное мнение. Таким образом, они являются социальными движениями, нацеленными на изменение ценностей общества, и они также могут быть движениями, выражающими общественное мнение и влияющими на результаты выборов. Они хотят трансформировать государство, но не подчинить его себе. Они выражают настроения и провоцируют дебаты, но не создают партии и не поддерживают правительства, хотя и могут стать объектом выбора политического маркетинга. Тем не менее они являются политическими в фундаментальном смысле. Особенно когда они предлагают и практикуют прямую совещательную демократию, основанную на демократии сетей. Они создают новую утопию сетевой демократии, вырастающей из взаимодействия локальных и виртуальных сообществ. Но утопии — это не только фантазии: большинство современных политических идеологий, лежащих в основе политических систем (либерализм, социализм, коммунизм), выросли из утопий. Дело в том, что утопии становятся материальной силой, овладевая сознанием людей, вдохновляя их на мечты, руководя их действиями и вызывая их реакции. То, что эти сетевые социальные движения предлагают в своей практике, является новой утопией, составляющей самую сердцевину культуры сетевого общества: утопию автономии субъекта, противостоящего общественным институтам. Реальность такова, что когда общества оказываются неспособными справиться со своими структурными

кризисами с помощью существующих институтов, изменения возможны только извне системы при условии трансформации властных отношений, которая начинается в сознании людей и развивается в виде сетей, создаваемых усилиями новых акторов, утверждающих себя в качестве субъектов новой, творящейся на глазах истории. А Интернет, который, как и все технологии, представляет собой часть материальной культуры, является важнейшей площадкой для социального конструирования автономии.

Сетевые социальные движения, как и все социальные движения в истории, несут на себе отпечаток их [родительского] общества. Они по большей части состоят из молодых людей, которые с легкостью управляют с цифровыми технологиями в их гибридном жизненном мире реальной виртуальности. Их ценности, цели и коллективный организационный стиль напрямую соотносятся с культурой автономии, характерной для молодых поколений нового века. Эти люди не могут существовать без Интернета и горизонтальных сетей мультимодальной коммуникации, которые обеспечивают их функционирование. Но их значение гораздо глубже. Они выполняют роль агентов контрвласти в сетевом обществе, резко контрастируя с устаревшими политическими институтами власти, унаследованными от исторически изживающих себя социальных структур.

Сетевые социальные движения и политические перемены

Большинство тех, кто наблюдает за современными социальными движениями, согласны в том, что в конечном счете мечты о социальных переменах должны в будущем принять обтекаемую форму и быть направляемы в желаемое русло через политические институты либо посредством реформ, либо революции. Даже в этом последнем случае революционные идеи подвергнутся интерпретации со стороны тех, кто придет к власти и будет устанавливать новый конституционный порядок. Это порождает серьезную дилемму, одновременно аналитическую и практическую, при оценке политической продуктивности движений, которые в большинстве случаев не доверяют существующим политическим институтам и отказываются верить в саму возможность своего участия в заранее выделенных каналах политической репрезентации. Верно, как показывает парадигмальный опыт Исландии, что возникновение новой отправной точки в институтах управления и в организации экономики возможно и без травматического процесса перемен. Однако в большинстве исследованных мною движений и в подобных движениях по всему миру критический переход от надежды к практической реализации перемен зависит от способности политических институтов воспринять требования движения, а также от воли самих участников движения вступить в процесс переговоров. Если оба эти условия соблюдены, часть требований может быть удовлетворена, а политические реформы могут произойти (с различной скоростью). Именно так, согласно неопубликованному исследованию Карин Наон, и произошло в Израиле.

Однако, поскольку основной посыл таких движений состоит в отрицании легитимности правящего класса и в отказе выполнять прихоти финансовых элит, шанс, что правительства поддержат такие их ценности, ничтожно мал. Действительно, исчерпывающий обзор эмпирических исследований политических последствий социальных движений, с особым упором на США, показывает, что, с одной стороны, крупнейшие социальные движения прошлого в некоторых отношениях обладали политическим влиянием, особенно это касается формирования тематической направленности политических повесток дня [Amenta et al., 2010].

Но, с другой стороны, эти исследования также показывают, что влияние социальных движений на политиков и политику в значительной мере зависит от их потенциального вклада в заготовки повесток политических акторов. Это очевидным образом противоречит основному критическому пафосу изученных мною сетевых социальных движений, который направлен против недостаточной репрезентативности правящего класса, поскольку выборы обусловлены властью денег и воздействием медиа и ограничены ангажированным электоральным законодательством, разработанным правящим классом в собственных интересах. При этом обычным ответом политических элит на протестные движения является ссылка на волю народа, выраженную на предыдущих выборах, а также на возможность изменить политику в соответствии с результатами следующих выборов. Это именно то, против чего возражает большинство движений, и с чем согласна значительная часть поддерживающих их граждан во всем мире. Движения не возражают против принципов представительной демократии, но отвергают сложившуюся ныне в рамках этой демократии практику и не признают ее легитимность. В таких условиях существует очень небольшой шанс на прямое позитивное взаимодействие между движениями и политическим классом, которое подтолкнуло бы политические реформы на реформу институтов управления, позволившую расширить каналы политического участия и ограничить влияние лоббистов и групп давления на политическую систему, — основная претензия большинства социальных движений. Наиболее позитивное влияние движения на политику по большей части происходит не напрямую — через присвоение некоторыми политическими партиями или лидерами каких-либо тем и требований движения, особенно когда эти темы становятся популярными у широких слоев граждан. Таким примером является случай в США, где часто упоминаемый социальный разрыв между 99% и 1% населения стал символизировать степень неравенства. Поскольку путь к политическим переменам проходит через перемены в политическом управлении, а перемены в политическом управлении зависят от интересов ответственных политиков, влияние движения на политику обычно ограничено, во всяком случае, в краткосрочной перспективе, в отсутствие значительного кризиса, что потребует радикальной перенастройки всей системы. И все же между социальными движениями и политическими реформами, которые могли бы запустить процесс социальных пере-

мен, есть очень глубокая взаимосвязь — она существует в умах людей. Она особенно заметна в тех случаях, когда относится к движениям за пределами институциональной системы и участвующих в акциях гражданского неповиновения. Действительно, только небольшая часть граждан, опрошенных на предмет их отношения к тактике движения «Occupy Wall Street» в США, выразили поддержку движению, но тот факт, что 25–30% поддержали нарушающие установленный порядок акции движения, указывает на растущую и крепнущую в низах поддержку тем, кто бросает вызов институтам, утратившим доверие граждан. Неясность представлений о том, как должен выглядеть процесс политических изменений, является, по-видимому, основным препятствием на пути социальных движений, которым удалось изобличить нелегитимный характер власть предержащих. Насущная задача таких движений — пробудить в обществе в целом осознание накопившихся проблем, вдохновить граждан путем вовлечения их в движение на широкое обсуждение тем, касающихся их жизни и их страны, вселить в них уверенность в их способности принимать самостоятельные решения в отношении правящего класса. Для многих участников движения измерять успех конкретными достижениями в краткосрочной перспективе — значит следовать ориентированной на конечный продукт логике капитализма, поскольку для них продукт, т.е. результат движения, менее важен, чем процесс, в ходе которого в конечном счете произойдут изменения в сознании людей.

Коммуникативная теория власти и социальные изменения

Сетевые социальные движения 2010–2013 гг. лучше всего можно понять, используя коммуникативную теорию власти, представленную в этой книге. Я напому читателю, что суть моего утверждения состоит в том, что властные отношения характеризуются динамикой между властью и контрвластью, т.е. между воспроизводством власти, укорененной в институтах, и вызовами, которые бросают этой власти социальные акторы, поскольку не встречают должного внимания к их интересам и ценностям в деятельности этих институтов. И власть, и контрвласть в значительной мере зависят от исхода схватки за власть над умами людей, разворачивающейся в пространстве мультимодальных коммуникационных сетей. Власть обеспечивают институты. А контрвласть чаще всего реализуется благодаря росту социальных движений. Действительно, как показывает история, социальные движения всегда были и продолжают оставаться рычагами социальных перемен. Обычно они возникают как результат кризиса жизненных обстоятельств, когда повседневная жизнь становится невыносимой для большинства населения. Эти движения порождает глубокое недоверие к политическим институтам управления обществом. Сочетание ухудшения материальных условий жизни, кризиса легитимности управляющих с особенностями государственной политики вынуждают людей взять дело в свои руки, участвуя в коллективных акциях, выходящих за пределы установлен-

ных институциональных каналов, чтобы отстоять свои требования и в конечном счете сменить и руководство, и даже сами правила, определяющие их жизнь. Конечно, это — рискованное поведение, потому что сохранение социального порядка и стабильности политических институтов — способ поддержания отношений власти, которая в случае необходимости может прибегать к запугиванию и в качестве крайней меры к применению силы. Таким образом, на основе исторического опыта и наблюдений за проанализированными мною сетевыми движениями, социальные движения очень часто «запускают» эмоции, вызванные неким значимым событием, которое помогает протестующим преодолеть страх и бросить вызов властям, несмотря на всю опасность подобного предприятия. Действительно, социальные изменения предполагают действия, индивидуальные и (или) коллективные, но в их основе лежит эмоциональная мотивация, как и в основе всякого человеческого поведения, согласно недавним исследованиям в области социальной нейронауки [Damasio, 2009]. Теория аффективного интеллекта в политической коммуникации, базирующаяся на данных экспериментальной психологии [Newman et al. (eds), 2007], утверждает, что триггером является гнев, а репрессором-регулятором — страх. Гнев усиливается в процессе восприятия несправедливых действий и выявления того, кто несет ответственность за эти действия. Страх запускает тревогу, с которой ассоциируется уклонение от опасности. Страх преодолевается благодаря обмену информацией и идентификацией с другими в процессе коммуникативного действия. Если гнев берет верх, он ведет к рискованному поведению. Когда процесс коммуникативного действия запускает коллективные акции и происходят перемены, начинает превалировать энтузиазм — мощное позитивное переживание, подпитывающее целенаправленную социальную мобилизацию. Охваченные энтузиазмом сетевые индивидуалисты, преодолев свой страх, трансформируются в сознательного коллективного актора. Таким образом, социальные перемены — это результат коммуникативных действий, в ходе которых, как предполагают, связи между сетями нейронных сетей нашего мозга активируются сигналами из коммуникационной среды, проходящими через сети коммуникации.

Технология и морфология этих сетей коммуникации существенно влияет на процесс мобилизации, а тем самым и на социальные перемены — как на процесс, так и на результат. Подъем цифровых сетей коммуникации как преобладающей формы опосредованной человеческой интеракции создает в самом сердце сетевого общества как новой социальной структуры новое пространство, в котором происходит формирование социальных движений XXI в. И задача книги «Власть коммуникации», которую вы держите в руках, состоит именно в том, чтобы заложить теоретические основы для понимания направленности социальных и политических изменений нашего времени — эти пока еще гипотетические основы, которые только предстоит сопоставить (и в результате скорректировать) с историческим опытом, увековеченным в научных исследованиях.

Благодарности

Обычно книги — это коллективное предприятие при единоличной ответственности автора. Данная не является исключением. Она зародилась в моем сознании достаточно давно, но развернулась во взаимодействии с коллегами и студентами по всему миру и сформировалась под воздействием академической среды и социального окружения, в которых я жил и работал с начала этого тысячелетия. Таким образом, имена людей и названия институтов — соавторов этой работы — не только дань уважения, но и точность со стороны автора книги.

Мои первые слова благодарности — Амелии Арсено, моему докторанту, выдающемуся ассистенту-исследователю, получателю Уоллисовской стипендии Анненбергской школы коммуникации при Университете Южной Калифорнии. Говоря проще, без ее интеллектуальных качеств и личной преданности работе на протяжении ряда лет не существовало бы этой книги в ее нынешней форме. Амелия Арсено будет продолжать свою академическую карьеру, став зрелым исследователем с прекрасными принципами, которые она применяет для понимания мира, чтобы сделать его лучше.

Дополнительной поддержкой исследованию, на котором базируется эта книга, стала исключительная помощь со стороны Лорен Мовиус, Саши Констанца-Чок и Шарон Фэйн, выпускников Анненбергской школы коммуникации, а также со стороны доктора Мерител Рока, моего сотрудника по Интернет-междисциплинарному институту Открытого университета Каталонии в Барселоне. Более ранние версии исследований, представленные в этом томе, обсуждались и изменялись в ходе совместной работы с моими студентами в Анненбергской школе коммуникаций. Я хочу выразить особую благодарность студентам моего исследовательского семинара Comm620: «Коммуникация, технология и власть» весной 2008 г. Конкретные выражения благодарности нескольким студентам этого и других семинаров можно найти в сносках и примечаниях в тексте книги.

Моему настоящему исследованию, представленному в этой книге и других работах, принесла значительную пользу интеллектуальная стимуляция двух моих академических «домов»: Анненбергской школы коммуникации Университета Южной Калифорнии (USC) в Лос-Анджелесе и Интернет-междисциплинарного института Открытого университета Каталонии в Барселоне. Я испытываю чувство глубокой признательности в отношении своих коллег из обоих институтов за поддержку и коллегиальность, которую они оказывали мне многие годы. Я особенно благодарен декану Джеффри Коэну, декану Эрнесту Уилсону, директору Ларри Гроссу и директору Патриции Райли (Университет Южной Калифорнии) и ректору Имме Тубелла (Открытый университет Каталонии) за удивительную личную и институ-

циональную поддержку, которую они оказывали моему исследованию с момента присоединения к Анненбергской школе коммуникации и Интернет-междисциплинарному институту. Эти академические институты используют новейшие технологии в исследовании и преподавании проблем глобального сетевого общества, и я испытываю гордость от того, что участвую в их исполненном особого значения проекте по перемещению университета в технологические и интеллектуальные условия информационной эпохи.

Я также благодарен моим коллегам и студентам Массачусетского технологического института (MIT; Программа «Наука, технология и общество», Департамент урбанистики и планирования, Медиалаборатория) за их содержательное сотрудничество во время моего периодического преподавания в качестве приглашенного профессора в одной из лидирующих научных институций в мире. Моя особая благодарность Уильяму Митчелу, Розалинде Уильямс, Дэвиду Минделу, Ларри Вейлю и Мало Хатсону.

Когда я говорю, что эта книга является коллективной работой, так оно и есть. Она получила самые щедрые интеллектуальные вклады от ряда коллег, которые читали целиком или частично различные варианты рукописи и подробно комментировали их. Я прибежал к нескольким редактурам каждой главы всякий раз, когда считал, что я достиг уровня, при котором мое исследование может обсуждаться, получая новые комментарии и предложения от моих коллег, пожелавших вступить в диалог со мной в процессе создания этой книги. В результате этих множественных интеракций с коллегами из разных академических институтов изменялась аргументация, обновлялись данные и сокращался текст. У меня не было возможности включить каждый комментарий, поскольку многие из них демонстрировали различные подходы, но каждый полученный комментарий серьезно обдумывался, и это привело к существенным изменениям в теории и анализе, представленным в книге. Конечно, неверное понимание и ошибки, возникшие в ходе этого длительного процесса переработки, лежат исключительно на мне. Итак, я хотел бы публично выразить мою глубокую благодарность Антонио Дамазио, Ханне Дамазио, Джерри Фельдману, Джорджу Лакоффу, Джонатану Аронсону, Томасу Холлиану, Питеру Монжу, Саре Бане-Вайзер, Эрнесту Уилсону, Джефффри Коулу, Джонатану Таплину, Марти Каплану, Элизабет Гаррет, Роберту Энтману, Лэнсу Беннету, Франку Вебстеру, Робину Манселу, Уильяму Даттону, Розалинде Уильямс, Имме Тубелла, Майклу Диару, Ингрид Волкмер, Джефффри Боукеру, Джону Томпсону, Роналду Райсу, Джейму Катцу, У. Расселу Нойману, Джорджу Маркусу, Джанкарло Босетти, Светлане Балмаевой, Эрику Клиненбергу, Эмме Киселевой, Говарду Тамберу, Иеши Жао, Рене Веберу, Джефффри Юрису, Джеку Линчуань Ки, Ирен Кастельс, Роберту МакЧесни и Генри Дженкинсу. Их коллегиальность показывает, что открытое сотрудничество, являющееся средневековым изобретением, возникшим в уни-

верситетской среде, актуально и сегодня, продолжаясь в качестве основной практики научного исследования.

Я также благодарен коллегам, студентам и гражданам, которые выступали с комментариями на моих публичных презентациях идей и исследований коммуникации и власти, которые, в конечном счете, и привели к созданию этой книги. Это общение на разных уровнях в период 2003–2008 гг. привело к значительному уточнению предварительной аргументации, сложившейся в моем сознании годы назад, когда я впервые был вовлечен в этот исследовательский проект. Особенно я хотел бы выразить благодарность Правлению Международной коммуникационной ассоциации (ICA), специально отметив Ингрид Волкмер и Роналда Райса, а также слушателей моей лекции на встрече ICA в Дрездене в 2006 г.; Американскую ассоциацию политической науки и слушателей моей лекции в честь Итиель де Сола Пул в 2004 г. в Чикаго; Лондонскую школу экономики и политических наук; Программу «Наука, технология и общество» в Массачусетском технологическом институте; Миланскую высшую школу менеджмента Университета Новая школа в Нью-Йорке; Культурный центр Де Бальи в Амстердаме; Испанскую академию кино и телевидения в Мадриде; Каталонский парламент в Барселоне; Институт Фернандо Энрике Кардозо в Сан-Паулу; Всемирный политический форум в Венеции; Фонд Гульбенкяна в Лиссабоне; Школу информационных наук Университета Калифорнии, Беркли; моих коллег в Центре науки, технологии и общества в Университете Санта-Клары и моих аспирантов в Лос-Анджелесском институте гуманитарных наук.

Разработка и создание этой книги стали возможны благодаря профессионализму и преданности Мелоди Лутц, моего персонального ассистента в Анненбергской школе коммуникации, и Анны Санчес-Хуарес, моего персонального ассистента в Открытом университете Каталонии. Без их тщательной координации, планирования и исполнения этот сложный проект не смог бы успешно осуществиться. Моя сердечная благодарность им обоим.

Написание этой книги также связано с выдающейся редакторской работой. Мой ассистент Мелоди Лутц, сама профессиональная писательница, вычитывала мои рукописи при сохранении моего стиля, возникшего — к добру или нет — в результате смешения культур, которые характеризуют мою жизнь. Уверен, что ее усилия будут вознаграждены благодарностью многочисленных читателей, особенно тех студентов, которые обычно должны с усилием «продираться» сквозь страницы моих книг, чтобы выполнить свои задания.

Как и со всеми моими книгами в последнее десятилетие, окончательная связь между тобой, читатель, и мной, автором, смогла произойти благодаря моему выпускающему редактору Сью Эштон. Я благодарен за ее помощь на протяжении многих лет.

Сердечно хочется поблагодарить также моего редактора в Университетском издательстве Оксфорда Дэвида Масона, с которым я завязал бесконечную интеллектуальную беседу десять лет назад, беседу, результатом которой стал ряд проектов, включая эту книгу. Я также хочу выразить благодарность за отличную редакторскую работу Мэтью Дербиширу и Кэйт Уокер в ходе производственного процесса в издательстве.

Я испытываю чувство огромной благодарности докторам, которые помогали мне держаться на плаву на протяжении всех этих лет, возвращая меня из серьезной болезни к нормальной и продуктивной жизни. Хочу, чтобы мой опыт дал надежду людям, которые в ней нуждаются. Я в большом долгу перед доктором Питером Кэрроллом и доктором Джеймсом Дэвисом из Калифорнийского университета, Медицинского центра Сан-Франциско; перед доктором Бенетом Номдеде из клиники Университета Барселоны и доктором Джоном Бродхэдом из Медицинской школы Кек Университета Южной Калифорнии.

Последним, но определенно не по значению, хочу сказать о моей семье, продолжающей создавать ту эмоциональную атмосферу, которая делает меня человеком, и, надо сказать, счастливым человеком. Поэтому хотел бы здесь выразить мою благодарность и любовь жене Эмме Киселевой, дочери Нурии, падчерице Лене, внукам Кларе, Габриель и Саше, сестре Ирене и шурина Хосе Байло. Особая благодарность Саше Коноваловой, с которой я делил комнату в течение целого года во время завершающего периода написания книги, а она в это время писала свои работы в колледже. Она не только не мешала мне сосредоточиться, но стала проницательным комментатором и точкой отсчета в моем исследовании молодежной культуры в новой коммуникационной среде.

Итак, это еще одна книга, но для меня особенная, потому что объединила мое исследование и мое желание сделать мир лучше с помощью свободного общения людей. К сожалению, как вы увидите, если пойдете дальше этой страницы, все не так просто. Сейчас я приглашаю вас разделить мое интеллектуальное путешествие.

*Мануэль Кастельс
Санта-Моника, Калифорния, август 2008 г.*

Список рисунков

2.1.	Ключевые связи между мультинациональными медиакорпорациями и диверсифицированными интернет-корпорациями.....	124
2.2.	Холдинги, входящие в состав крупнейших диверсифицированных по родам деятельности многонациональных конгломератов на февраль 2008 г.	128
2.3.	Глобальные расходы на рекламу по типам медиа, 2002–2007 гг.	131
2.4.	Взаимосвязи между выбранными мультинациональными медиагруппами второго эшелона и глобальным ядром.....	136
2.5.	Карта собственности «второстепенных» мультимедийных конгломератов.....	138
2.6.	Схематическое представление коммуникативного процесса, по Умберто Эко (схема в верхней части рисунка — классическая модель коммуникации; в нижней — пересмотренная модель)	181
2.7.	Процесс коммуникации в креативной аудитории.....	183
3.1.	Процесс принятия решений, по Антонио Дамазио	198
3.2.	Каскадная активация сети	217
3.3.	Поддержка войны в Ираке и оценка ее успешности, март 2003 г. — апрель 2008 г.	233
3.4.	Потери американских войск убитыми и ранеными в Ираке, январь 2006 г. — апрель 2008 г.	238
3.5.	Освещение темы войны в медиа versus вероятный интерес избирателей к военным новостям, июнь 2007 г. — апрель 2008 г.	240
3.6.	Социальное производство опосредованного медиавосприятия войны в Ираке, 2001–2008 гг.	243
4.1.	Общая сумма пожертвований, собранных кандидатами в президенты США в электоральных циклах 1976–2008 гг.	274

4.2.	Основной источник новостей об избирательной кампании в США, 1992–2007 гг.	289
4.3.	Возросшая уязвимость французских политиков в отношении к скандалам	303
5.1.	Оценка деятельности человека как значимого фактора изменений климата	375
5.2.	Количество участников Дней Земли, 1970–2007 гг.	383
5.3.	Индекс осведомленности о проблеме глобального потепления в США, 1982–2006 гг., по источникам, указанным в табл. 5.1	400
5.4.	Финальное голосование за PP, PSOE или за других среди поздно определившихся избирателей на выборах в испанский парламент 14 марта 2004 г. в зависимости от влияния событий 11 марта на их решение	422
5.5.	Готовность проголосовать за афроамериканского кандидата, 1958–2007 гг. (Вопрос: «Если Ваша партия номинирует высококвалифицированного кандидата-афроамериканца на пост президента, проголосуете ли Вы за него?»)	449
A4.1.	Распределение граждан, выражающих слабое доверие или отсутствие доверия своему национальному правительству, 1996–2007 гг.	524
A4.2.	Распределение граждан, выражающих слабое доверие или отсутствие доверия своим национальным законодательным учреждениям или парламенту, 1997–2007 гг.	525
A4.3.	Доля граждан, которые убеждены в коррумпированности или крайней коррумпированности национальных политических партий	526
A4.4.	Доля респондентов в 60 странах, оценивших тем или иным образом своих политических лидеров, 2007 г.	526
A4.5.	Распределение респондентов, считающих своих политических лидеров нечестными и аморальными, по регионам, 2007 г.	527
A4.6.	Доля респондентов, которые считают, что их страна обслуживает несколько больших интересов, 2008 г.	527

A4.7. Распределение респондентов из 60 стран мира по уровню выраженного ими доверия по профессиональным группам, 2007 г.	528
A4.8. Последствия несоблюдения норм вежливости, отразившиеся на доверии к правительству и политикам, 2005 г.	528
A4.9. Избиратели США, сообщившие о контактах с политической партией, 1980–2004 гг.	529

Список таблиц

2.1.	Типология культурных моделей	172
3.1.	Ошибочные представления американцев о войне в Ираке, 2003–2006 гг.	222
3.2.	Частота заблуждений на одного респондента в зависимости от источника новостей.....	230
3.3.	Телевизионные источники новостей и мнения об Ираке и Буше.....	231
4.1.	Результаты исследований коррупции во Франции на протяжении 1990-х годов	304
5.1.	Осознание проблемы глобального потепления в США, 1982–2006 гг.; число (в %) ответивших «да» на вопрос: «Слышали ли Вы что-нибудь о парниковом эффекте/глобальном потеплении?»	370
5.2.	Уровень интернет-активности среди демократов.....	436
5.3.	Оценки, формирующие мнение белых американских избирателей — сторонников демократов об их кандидатах.....	447
5.4.	Распределение интернет-пользователей по возрасту, которые смотрят политические онлайн-видео и создают контент	455
5.5.	Соотношение сторонников Обамы и Клинтон, которые являются наиболее активными потребителями политического контента онлайн	456
A2.1.	Связи руководства многонациональных медиаконгломератов и других сетей, приблизительные данные на 2008 г.	499
A2.2.	Список институциональных инвесторов с бенефициарным правом собственности в медиаконгломератах, февраль 2008 г.	505
A3.1.	Динамика поддержки войны в Ираке и оценка ее хода в контексте связанных с войной событий, 2003–2008 гг.	506
A4.1.	Некоторые политические скандалы, связанные с администрацией Буша и Республиканской партией, 2002–2007 гг.	509

A4.2. Политические скандалы во всем мире, 1988—2008 гг.	511
A4.3. Некоторые политические скандалы в странах «большой восьмерки», 1988—2008 гг.	519
A4.4. Способы политического участия в США, помимо голосования, 1980—2004 гг.	523
A4.5. Усилия по мобилизации, предпринимавшиеся политическими партиями или другими организациями, 1980—2004 гг.	523
A5.1. Доля респондентов, которые слышали о глобальном потеплении (по странам), 2006 г.	529
A5.2. Рост числа молодежи и представителей меньшинств, участвовавших в президентских праймериз демократов, 2004—2008 гг.	530
A5.3. Распределение голосов, поданных за Барака Обаму и Хиллари Клинтон в ходе в президентских праймериз 2008 г., в зависимости от социально-демографических характеристик избирателей	531
A5.4. Наиболее важные качества кандидатов, названные избирателями в ходе праймериз демократов в 2008 г.	532
A5.5. Наиболее важные темы, названные в ходе праймериз демократов в 2008 г.	532
A5.6. Политическая вовлеченность онлайн во время предвыборной гонки демократов в 2008 г.: распределение ответов по социально-демографическим группам среди исследуемых взрослых (пользователи Интернета и не пользующиеся им), которые используют Интернет, электронную почту или SMS для получения новостей о политике или для обмена своими взглядами о ходе гонки	533
A5.7. Интернет-политика: слухи и кампании, направленные против кандидатов от демократов на выборах в 2008 г., июнь 2007 г. — февраль 2008 г.	534
A5.8. Основные случаи ажиотажа и политических скандалов в ходе демократических праймериз в США в 2008 г., май—январь 2008 г.	536

Введение

Мне было 18. Мое стремление к свободе бунтовало против рамок, которыми ограничил жизнь диктатор. Мою жизнь и жизнь каждого. Я написал статью в журнал юридического факультета университета, и журнал был закрыт. Я сыграл в пьесе Камю «Калигула», и нашу театральную труппу обвинили в пропаганде гомосексуализма. Когда я включал всемирные новости Би-Би-Си, чтобы услышать нечто иное, я не мог понять ни слова из-за пронзительных радиопомех. Когда я хотел прочесть Фрейда, то должен был идти в единственную библиотеку в Барселоне, где были доступны его работы, и заполнять форму с объяснением, для чего мне это нужно. Что касается Маркса, Сартра или Бакунина, то об этом надо было забыть, за исключением случаев, когда я отправлялся на автобусе в Тулузу и прятал книги при пересечении границы, рискуя быть опознанным, если буду пойман при транспортировке подрывной пропаганды. Итак, я решил взяться за этот душливый, идиотский франкистский режим и присоединился к подпольному сопротивлению. В то время сопротивление в Университете Барселоны состояло из нескольких дюжин студентов, поскольку в результате политических репрессий старая демократическая оппозиция была истреблена, а новое поколение, рожденное после Гражданской войны, только вступало в период взросления. Тем не менее глубина нашего возмущения и обещание новой надежды давали нам силы участвовать в этой неравной битве.

И вот я, сидя в темноте кинотеатра по соседству с рабочим классом, был готов будить сознание масс, пробивая коммуникационные «огненные стены», в которых оно было замкнуто, — или я только верил в это. В руке я держал пачку листовок. Они были едва читаемы, поскольку были напечатаны на примитивном ручном печатном устройстве, с потеками от фиолетовых чернил, но это был единственный доступный нам коммуникационный медиум в стране, опутанной цензурой. (У моего дяди, полковника, была непыльная работа цензора, заключавшаяся в чтении любой желаемой книги — он сам был писателем — и, более того, в предварительном просмотре всех фильмов сексуального содержания, чтобы принять решение о том, что вырезать из копий для широкой аудитории, сохранив «запрещенное» для себя и своих коллег по церкви и армии.) Так я решил компенсировать семейное сотрудничество с силами тьмы с помощью распространения нескольких листовок бумаги среди рабочих, чтобы показать, как плохо они живут на самом деле (как будто они не знали этого), и призвать их к действию

против диктатора, постоянно имея в виду будущее свержение капитализма как источника всех зол. Идея заключалась в том, чтобы выйти из кинотеатра до окончания сеанса, оставив листовки на пустых сиденьях так, чтобы в конце показа, когда свет включится, посетители подобрали листовки — смелое послание от сил сопротивления, призванное дать им достаточно надежды, чтобы присоединиться к борьбе за демократию.

В тот вечер я посетил семь кинотеатров, держась каждый раз на значительном расстоянии от других пропагандистов во избежание слежки. Как ни наивна была подобная коммуникационная стратегия, она не была детской игрой, поскольку в случае поимки могли избить в полиции и, вероятнее всего, отправить в тюрьму, что и произошло с несколькими моими друзьями. Но, конечно, мы были безумно горды своей удачей, одновременно надеясь избежать любого рода ударов. Когда в этот день я завершил свою революционную акцию (одну из многих, пока я не закончил высылкой в Париж двумя годами позже), я, гордый собой, позвонил своей девушке, чувствуя, что слова, которые я передал, могут изменить несколько сознаний, что в конечном счете может изменить мир. В то время я многого не знал. Не то чтобы сейчас я знаю существенно больше. Но тогда не знал, что послание эффективно, только если получатель готов к нему (таких людей было немного) и если источник сообщения поддается опознанию и заслуживает доверия. А Фронт рабочих Каталонии (95% которого составляли студенты) не был серьезным брендом в отличие от коммунистов, социалистов, каталонских националистов или любой из созданных партий именно потому, что мы хотели быть другими, — мы находились в поиске идентичности как поколение после Гражданской войны.

Поэтому я сомневаюсь, что мой реальный вклад в испанскую демократию соответствовал моим ожиданиям. И тем не менее везде и во все времена социальные и политические изменения всегда происходили в результате бесчисленного множества добровольных действий, иногда бесполезно героических (мое определенно не было таковым), вплоть до того, что их героизм выходил за пределы возможной эффективности: когда капли ливня борьбы и жертв, превратившиеся в потоки, в конечном счете затопив защитные валы тирании, начали разрушать стены разобщенности между похожими захолустьями, чтобы объекты воздействия превратились в «мы, народ». В конце концов, какими бы наивными ни были мои революционные надежды, у меня была своя точка зрения. Почему режим закрывает любой возможный канал коммуникации, находящийся вне его контроля, если цензура не является основой увековечивания его власти? Почему министры образования и тогда, и сейчас хотят быть уверены в том, что они вправе вводить учебники истории, а в некоторых странах ручаются, что боги (только подлинные) спускаются в классные комнаты? Почему студенты должны были бороться за право свободно говорить, профсоюзы — за право распространять информацию о своих кампаниях (тогда — на рекламных щитах,

сейчас — на веб-сайтах); женщины — за создание женских книжных магазинов; покоренные страны — за право общаться на своем собственном языке, советские диссиденты — за право распространять самиздательскую литературу, афроамериканцы США и народы колоний по всему миру — за разрешение читать? То, что я чувствовал тогда, и то, во что верю сейчас, можно выразить так: власть базируется на контроле за коммуникацией и информацией, будь то макровласть государства и медиакорпораций или микровласть организации любого рода. Таким образом, моя борьба за свободу коммуникации, мой примитивный, написанный фиолетовыми чернилами блог того времени, действительно, был актом неповиновения, и фашисты с их позиций были правы, пытаясь поймать нас и изолировать, перекрыв каналы, соединяющие индивидуальные сознания с коллективным сознанием. Власть больше, чем коммуникация, а коммуникация больше, чем власть. Но власть полагается на контроль за коммуникацией, тогда как контрвласть зависит от прорыва этого контроля. Но массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально охватывает общество в целом, формируется и управляется властными отношениями, коренясь в медиабизнесе и политике государства. Коммуникационная власть находится в сердце структуры и динамики общества.

В этом и состоит предмет изучения данной книги. Почему, как и кем конструируются и осуществляются властные отношения с помощью управления коммуникационными процессами, и как эти властные отношения могут быть преобразованы социальными акторами в целях социального изменения с помощью влияния на общественное сознание. Моя рабочая гипотеза выражается в том, что наиболее фундаментальная форма власти состоит в способности формировать человеческое сознание. Способ, которым мы чувствуем и думаем, определяет способ наших действий — как индивидуальных, так и коллективных. Да, принуждение и способность реализовать его, легитимно оно или нет, является основным источником власти. Но принуждение само по себе не может стабилизировать доминирование. Способность устанавливать согласие или, по крайней мере, внушать страх и покорность в отношении существующего порядка является неотъемлемой частью внедрения правил, которые управляют институтами и организациями общества. И эти правила во всех обществах служат доказательством властных отношений, воплощенных в этих институтах как результат процессов борьбы и компромисса между конфликтующими социальными акторами, которые мобилизуются ради своих интересов под флагом собственных ценностей. К тому же процесс институционализации норм и правил и претензия в отношении этих норм и правил со стороны акторов, которые не чувствуют себя адекватно представленными в работе системы, происходят одновременно в непрерывном движении воспроизводства общества и социальных изменений. Если фундаментальная битва за определение норм в обществе и применение этих норм в повседневной

жизни происходят вокруг формирования человеческого сознания, то коммуникация является эпицентром этой битвы. Поскольку именно через коммуникацию человеческое сознание взаимодействует с его социальным и естественным окружением. Этот процесс коммуникации происходит в соответствии со структурой, культурой, организацией и технологией коммуникации в данном обществе. Коммуникационный процесс, несомненно, опосредует способ, в соответствии с которым властные отношения конструируются и оспариваются в каждой сфере социальной деятельности, включая политическую практику.

Анализ, представленный в этой книге, относится к одной специфической социальной структуре: к сетевому обществу, социальная структура которого характеризует общество в начале XXI в., т.е. социальная структура которого построена вокруг (но не определяется с помощью) цифровых сетей коммуникации. Я считаю, что процесс формирования и осуществления властных отношений, несомненно, трансформируется в новом организационном и технологическом контексте, возникающем из подъема глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной символической системы обработки данных нашего времени. Следовательно, анализ властных отношений требует понимания специфичности форм и процессов социализирующей коммуникации, которая в сетевом обществе означает как мультимодальные массмедиа, так и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, возникающие вокруг Интернета и беспроводной коммуникации. Действительно, эти горизонтальные сети делают возможным подъем того, что я называю массовой самокоммуникацией, несомненно, увеличивающей автономию коммуницирующих субъектов в отношении к коммуникационным корпорациям в силу того, что пользователи становятся как отправителями, так и получателями сообщений.

Однако, чтобы объяснить, как власть конструируется в наших сознаниях с помощью коммуникационных процессов, нам нужно выйти за рамки того, как и кем создаются сообщения в процессе порождения власти и передачи (или формирования) их в электронных сетях коммуникации. Мы должны также понимать, как они создаются в сетях мозга. Это происходит в особых формах связи между сетями коммуникации и смыслом в нашем мире, а также сетями коммуникации и смыслом в наших мозгах, где механизмы порождения власти могут, в конечном счете, быть идентифицированы.

Эта исследовательская повестка — крепкий орешек. Так, несмотря на многие годы, посвященные интеллектуальному проекту, излагаемому в этой книге, я определенно не претендую на то, чтобы предложить исчерпывающие ответы на поднимаемые мной вопросы. Моя цель, достаточно амбициозная, состоит в том, чтобы предложить новый подход к пониманию власти в сетевом обществе. И в качестве необходимого шага к этой цели — определить структуру и динамику коммуникации в существующем историческом контексте. Для дальнейшего выстраивания обоснованной теории власти в сетевом обществе (которая для меня равносильна тео-

рии коммуникационной власти) я сосредоточу свои усилия на изучении текущих процессов утверждения политической власти и контрвласти, используя доступные научные исследования по этой теме и проведя ряд case studies в различных социальных и культурных контекстах. Однако мы знаем, что политическая власть является лишь одним из измерений власти, тогда как властные отношения конструируются в комплексном взаимодействии между множественными сферами социальной практики. И, таким образом, мой эмпирический анализ будет с необходимостью неполным, хотя я надеюсь стимулировать похожие аналитические концепции к изучению власти в других измерениях, таких, как культура, технология, финансы, производство и потребление.

Я признаю, что выбор политической власти в качестве основного предмета исследования был определен существованием значительной научной литературы, в которой в последние годы изучалась связь между коммуникацией и политической властью на стыке между когнитивной наукой, исследованиями коммуникации, политической психологией и политической коммуникацией. В этой книге собственные специальные знания социополитического анализа и изучения коммуникационных технологий соединены с работами ученых, исследовавших взаимодействие между мозгом индивида и политической властью с целью сформировать точку отсчета, позволяющую оценить релевантность данного междисциплинарного подхода. Я исследовал источники политических властных отношений в нашем мире, пытаясь соединить структурную динамику сетевого общества, трансформацию коммуникационной системы, взаимодействие между эмоциями, познанием и политическим поведением с изучением политики и общественных движений в разнообразных контекстах. Такой проект, лежащий в основе книги, надеюсь, позволит читателю оценить его потенциальную пользу. Я продолжаю верить, что теории — лишь наличествующие инструменты в производстве знаний, всегда обреченные на замену, либо отбрасываемые как нерелевантные, либо, что более оптимистично, свернутые в улучшенную аналитическую форму, разработанную где-то кем-то в научном сообществе для придания смысла нашему опыту социальной власти.

Для того чтобы помочь коммуникационному процессу между вами и мной, я определю структуру и последовательность этой книги, которая, с моей точки зрения, следует логике, как она была только что представлена. Книга начинается с определения того, что я понимаю под властью. Так, глава 1 является попыткой прояснить значение власти, представляя некоторые элементы теории власти. Для этого использованы некоторые классические положения социальных наук, которые я считаю релевантными и полезными для того типа вопросов, которые мне интересны. Конечно, это выборочное прочтение теорий власти, а потому ни в коем случае не должно пониматься как претензия на место в этих теоретических дебатах. Я не пишу книги о книгах. Я использую теории, любую теорию, таким же образом, как,

надеюсь, моя теория будет использоваться любым: как набор инструментов для понимания социальной реальности. Таким образом, я использую то, что нахожу полезным, и не рассматриваю то, что напрямую не связано с целью моего исследования, а именно — большинство работ по теории власти. Поэтому я не стремлюсь внести свой вклад в истребление лесов на планете путем размножения на бумаге критики работ, которые, несмотря на их интеллектуальную элегантность или политический интерес, не входят в сферу моего исследования. К тому же я помещаю свое понимание властных отношений в контекст нашего типа общества, которое понимаю как сетевое общество, относящееся к информационной эпохе так же, как индустриальное общество относилось к индустриальной. В книге нет детального анализа сетевого общества, поскольку ему посвящена целая трилогия, опубликованная несколько лет назад [Castells, 2000a; 2000c; 2004c]. Однако в первой главе я представил переработанные ключевые элементы своего видения сетевого общества, связанные с пониманием властных отношений в новом историческом контексте.

После установления концептуальных основ исследования власти я продолжаю подобную аналитическую операцию применительно к коммуникации в главе 2. И все-таки, когда дело доходит до коммуникации, я иду дальше с помощью эмпирического исследования структуры и динамики массовой коммуникации в условиях глобализации и дигитализации. Я анализирую как массмедиа, так и горизонтальные сети интерактивной коммуникации, сосредоточиваясь на их различиях и на их пересечениях. Я изучаю трансформацию аудитории медиа от объектов воздействия сообщений к отправителям/получателям сообщений и исследую отношения между этой трансформацией и процессами культурных изменений в нашем мире. Наконец, я определяю властные отношения, воплощенные в системе массовой коммуникации и в сетевой инфраструктуре, от которой зависит коммуникация, а также рассматриваю связи между бизнесом, медиа и политикой.

Выявив структурные детерминанты отношений между властью и коммуникацией в сетевом обществе, я меняю угол зрения своего анализа со структуры на организацию. Если власть действует с помощью воздействия на человеческое сознание, используя средства передачи сообщений, нам необходимо понять, как человеческое сознание обрабатывает эти сообщения, и как эти обработанные данные транслируются в политическую сферу. Это ключевой аналитический переход в настоящей книге и, возможно, единственный элемент в исследовании, который требует больших усилий со стороны читателя (как это было со мной), потому что политический анализ начинается только для того, чтобы объединить структурную детерминацию с когнитивными процессами. Я начал этот непростой большой проект не как дань моде. Я сделал это потому, что нашел большой массив литературы последнего десятилетия, где приводятся экспериментальные исследования, раскрывающие процессы репрезентации индивидуально-

го политического принятия решений сквозь призму отношений между ментальными процессами, метафорическим мышлением и политическим имиджмейкингом. Не принимая редукционистских предпосылок некоторых из этих экспериментов, я думаю, что исследования школы эмоционального интеллекта и некоторые работы по политической коммуникации создают недостающий необходимый мост между социальной структуризацией и индивидуальной обработкой информации, касающейся властных отношений. Научные основания большинства этих исследований можно найти в новейших открытиях нейронауки и когнитивной науки, которые представлены, например, в работах Антонио Дамазо, Ханны Дамазо, Джорджа Лакоффа и Джерри Фельдмана. Таким образом, я выстраиваю свой анализ отношений между коммуникацией и политической практикой на этих теориях и на эмпирических данных, полученных в рамках политической психологии, которые могут быть лучше поняты с позиций нейронауки, как, например, в работе Дрю Уэстена [Westen, 2007].

Так как я не обладаю необходимыми профессиональными знаниями в этой сфере, то попытался представить в главе 3 анализ специфических отношений между эмоциями, познанием и политикой с помощью своих коллег. Там я связал результаты своего анализа с тем знанием, которое коммуникационные исследования дают об обусловленности политической коммуникации со стороны социальных и политических акторов, преднамеренно вмешивающихся в функционирование медиа и других коммуникационных сетей, проводя свои интересы с помощью таких механизмов, как установление повестки дня, фрейминг и прайминг новостей и других сообщений. Для иллюстрации потенциальной объяснительной ценности этого подхода и для упрощения его сложности я возобновил в этой главе эмпирический анализ процесса дезинформации американской общественности администрацией Джорджа Буша-младшего относительно войны в Ираке. Сделав это, надеюсь, что смогу обрисовать практические политические последствия произошедшего с помощью сложного аналитического подхода. Процессы — сложные, однако результаты таких процессов просты и последовательны, поскольку коммуникационные процессы вживили фрейм «войны с террором» в сознание миллионов людей, насаждая культуру страха в наших жизнях.

Таким образом, первые три главы настоящей книги неразрывно связаны, поскольку для понимания конструирования властных отношений при посредстве коммуникации в сетевом обществе необходима интеграция трех ключевых компонентов процесса, исследованных отдельно друг от друга в этих главах:

- структурные детерминанты социальной и политической власти в глобальном сетевом обществе;
- структурные детерминанты процесса массовой коммуникации в организационных, культурных и технологических условиях нашего времени;

- когнитивная обработка сигналов, предоставляемых коммуникационной системой человеческому сознанию, как связанных с политически релевантной социальной практикой.

Затем я смогу осуществить особый эмпирический анализ, в котором буду использовать, хотя и с некоторой натяжкой, концепции и результаты, представленные в первых трех главах, вместе составляющие теоретическую основу всей книги. В главе 4 объясняется и показывается, почему в сетевом обществе политика — это, по сути, медиаполитика, сфокусированная на ее лучшем образце — на политике скандалов и связывающая результаты этого анализа с глобальным кризисом политической легитимности, оспаривая тем самым значение демократии практически во всем мире. В главе 5 исследуются, как общественные движения и агенты политических изменений возникают в нашем обществе через перепрограммирование коммуникационных сетей, так что оказываются в состоянии передавать сообщения, которые внедряют новые ценности в сознание людей и вселяют надежду на политические изменения. Обе главы рассматривают специфическую роль массмедиа и горизонтальных коммуникационных сетей, а именно как медиаполитика и общественные движения используют группы сетей, как медиасети и интернет-сети взаимосвязаны. При этом мое предположение, которое будет проверено, состоит в том, что чем больше автономии представлено пользователям благодаря технологиям коммуникации, тем больше шансов, что новые ценности и новые интересы будут возникать в сфере массовой самокоммуникации, достигая таким образом общественного сознания. Соответственно, подъем массовой самокоммуникации, как я называю новые формы сетевой коммуникации, увеличивает возможности социальных изменений без какого-либо определения контента или цели таких социальных изменений. Люди, осознавая себя, являются ангелами и демонами в одно и то же время, и так наша увеличивающаяся способность влиять на общество будет просто проектом, открыто сообщающим, кем мы являемся в каждом пространственно-временном контексте.

Продолжая серией эмпирических исследований, я буду полагаться на доступные свидетельства так же, как и на собственный практический опыт изучения некоторых случаев социального, культурного и политического контекста. Большинство материалов касается США по одной простой причине: наличие значительного числа научных исследований по темам, освещаемым в книге. Однако я убежден, что предлагаемая аналитическая перспектива не зависит от контекста и может быть использована для понимания политических процессов в разных странах, включая развивающийся мир. Все это потому, что сетевое общество глобально, и существуют глобальные коммуникационные сети, а когнитивные процессы в человеческом сознании имеют общие базовые черты, несмотря на ряд различий культурного характера. В конечном счете, властные отношения являются

фундаментальными отношениями общества в истории, географии и культурах. И если властные отношения создаются в человеческом сознании через коммуникационные процессы, как я попытался продемонстрировать в настоящей книге, эти скрытые связи могут послужить хорошим исходным кодом условий человеческого существования.

Вот свет в кинотеатре включен. Помещение постепенно пустеет по мере того, как зрители переходят от изображения на экране к образам в своей жизни. Ты встаешь в очередь к выходу, какому-нибудь выходу куда-нибудь. Может, какие-то слова из фильма все еще находят отклик внутри. Такие слова, как в конце фильма Мартина Рита «Подставное лицо» (1976), особенно слова Вуди Аллена МакКартису: «Парни... я не признаю право этого комитета задавать мне такие вопросы. И более того, вы все можете идти». Затем кадры с Алленом в наручниках, идущим в тюрьму. Власть и сопротивление власти. И поцелуй девушки. В наручниках — но свободный и любимый. Водоворот образов, идей, чувств.

Стало быть, вы внезапно видите эту книгу. Она написана для вас и оставлена, чтобы вы ее нашли. Вы замечаете симпатичную обложку. Коммуникация. Власть. Возможно, вы имеете к этому некоторое отношение. Какие бы связи ни возникали у вас в сознании, это сработало, раз сейчас вы читаете эти слова. Но я не говорю вам, что делать. Этому я научился в своем длинном путешествии. Я сражался в своих битвах, не просил других сделать это за меня или со мной. Но я все еще произношу свои слова, слова, которые выучил в ходе профессиональной работы исследователем социальной науки. Слова, которые в данном случае рассказывают историю о власти. Фактически — историю власти в мире, в котором мы живем. И это мой путь, только мой реальный путь противостоять властям, — разоблачать их присутствие в работе нашего сознания.

Власть в сетевом обществе

Что такое власть?

Власть представляет собой наиболее фундаментальный процесс в обществе, поскольку общество определяется ценностями и институтами, а то, что оценивается и институционализируется, определяется властными отношениями.

Власть является реляционной (выражающей отношение, «отношенческой». — *А. Ч.*) способностью, которая позволяет социальному актору, имеющему соответствующую возможность, асимметрично влиять на решения другого(их) социального(ых) актора(ов) желательным для его воли, интересов и ценностей образом. Власть осуществляется посредством принуждения (или возможности такового) и (или) конструирования смысла на основе дискурсов, которыми социальные акторы руководствуются в своих действиях. Властные отношения формируются через доминирование, представляющее собой власть, укорененную в институтах общества. Реляционная способность власти обусловлена, но не детерминирована структурной возможностью доминирования. Институты могут участвовать во властных отношениях, опирающихся на доминирование, которое они осуществляют над своими субъектами.

Это определение достаточно широко для того, чтобы охватить большинство форм социальной власти, но требует некоторых уточнений. Понятие «*актор*» отсылает ко множеству субъектов действия (т.е. действия индивидуальные, коллективные, организаций, институтов и сетей). В конечном счете, однако, все организации, институты и сети — результат действий человеческих акторов, даже если это действие было институционализировано или вызвано процессами, происходившими в прошлом. *Реляционная способность* означает, что власть — это не атрибут, но отношение. Она не может быть оторвана от специфического отношения между субъектами власти — теми, кто имеет соответствующее право на власть, и теми, кто является объектами такого воздействия в данном контексте. *Асимметрично* означает, что, хотя влияние в отношении всегда взаимно, во властных отношениях всегда существует большая степень влияния одного из акторов на другого. Впрочем, абсолютной власти не существует, как и нулевой степени влияния подчиняющихся власти на занимающих властные позиции. Всегда существует возможность сопротивления, ставящая под сомне-

ние властное отношение. Более того, в любом властном отношении присутствует определенная степень согласия и принятия со стороны тех, кто подчиняется власти. Когда сопротивление и отторжение становятся существенно сильнее, чем согласие и принятие, властные отношения трансформируются: условия внутри отношения изменяются, обладающие властью теряют ее, и в конце концов происходит процесс институциональных или структурных изменений, зависящий от степени трансформации властных отношений. Или в противном случае властные отношения становятся несоциальными. Это происходит, если властное отношение может быть установлено только на основе структурного доминирования, подкрепленного насилием, тогда для поддержания последнего обладающие властью должны уничтожить реляционную способность оказывающего(их) сопротивление актора(ов), аннулируя тем самым само отношение. Я выдвигаю идею, что чистое принуждение с помощью силы не является социальным отношением, поскольку оно ведет к уничтожению доминируемого социального актора, что и означает исчезновение отношения с угасанием одной из его сторон. Тем не менее это социальное действие с социальным смыслом, поскольку использование силы оказывает устрашающее воздействие на выживших субъектов, подчиненных подобному доминированию, помогая восстановить властные отношения с этими субъектами. Более того, как только властное отношение вновь установлено во всем многообразии его компонентов, множество составляющих многоуровневого механизма доминирования вновь работают, делая насилие одним из факторов среди широкого набора определяющих факторов. Чем большую роль в восстановлении власти в отношении играет конструирование значения от «имени» специфических интересов и ценностей, тем менее необходимым становится обращение к насилию (легитимному или нет). Несмотря на это, институционализация ресурса насилия в государстве и его производные создают контекст доминирования, в котором культурное производство смысла может доказать свою эффективность.

Существуют дополнительность (комплементарность) и взаимная поддержка между двумя основными механизмами формирования власти, на которые указывают теории власти: насилие и дискурс. В конце концов, Мишель Фуко начинает свою книгу «Надзирать и наказывать» [Foucault, 1975] с описания пытки Дамьена, прежде чем перейти к развертыванию своего анализа конструирования дисциплинарных дискурсов, конституирующих общество, в котором «заводы, школы, военные казармы, больницы — все напоминали тюрьмы» ([Ibid., p. 264], пер. — М. К.). Эта дополнительность источников власти также может быть найдена у Макса Вебера: он определяет социальную власть как «возможность того, что один актор в рамках социального отношения будет способен осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление, независимо от основания, на котором данная возможность покоится» [Weber, 1978, p. 53], и в конечном счете связывает

власть с политикой, а политику — с государством, т.е. с «отношением одних людей, доминирующих над другими, с отношением, поддерживаемым посредством легитимного (считающегося легитимным) насилия. Для того чтобы существовало государство, доминируемые должны подчиняться авторитету, утверждаемому властями ...решающим средством для политики является насилие» [Weber, 1946, p. 78, 121]. Но он также предостерегает нас, что существующее государство, «чей героический период не ощущается как таковой массами, может тем не менее служить решающим фактором для мощного чувства солидарности, несмотря на громадные внутренние антагонизмы» [Ibid., p. 177].

Именно поэтому процесс легитимации, ядро политической теории Юргена Хабермаса, является ключом, позволяющим государству стабилизировать осуществление своего доминирования [Habermas, 1976]. И легитимация может быть эффективной за счет разнообразия процедур, из которых конституционная демократия, личное предпочтение самого Хабермаса, является лишь одной из многих. Поскольку суть демократии заключается в совокупности процессов и процедур, ее существо не ограничивается политикой. В самом деле, если государство вторгается в публичную сферу от имени специфических интересов, превалирующих в государстве, оно вызывает кризис легитимности, потому что разоблачает себя как инструмент доминирования вместо того, чтобы быть институтом представительства. Легитимация в значительной степени опирается на согласие воли, выявляемое в процессе конструирования разделяемого смысла, например, веры в представительную демократию. Смысл конструируется в обществе в ходе процесса коммуникативного действия. Когнитивная рационализация обеспечивает основу для действий акторов. Поэтому способность гражданского общества обеспечивать содержание действий государства через публичную сферу («сеть для передачи информации и точек зрения» [Habermas, 1996, p. 360]) является тем, что гарантирует демократию и, в конечном счете, создает условия для легитимного осуществления власти: власть как представительство ценностей и интересов граждан, выраженных в ходе обсуждений в публичной сфере. Таким образом, институциональная стабильность основывается на способности четко артикулировать различные интересы и ценности в демократическом процессе через коммуникационные сети [Habermas, 1989].

Когда существует разъединение вмешательства государства и критичного гражданского общества, публичное пространство разрушается, подавляя тем самым посредствующую, промежуточную сферу между административным аппаратом и гражданами. Демократическое осуществление власти, в конечном счете, зависит от институциональной способности преобразовывать смысл, порожденный коммуникативным действием, в функциональную координацию действий, организованных в государстве в соответствии с принципами конституционного консенсуса. Следовательно,

конституционный доступ к применению силы и коммуникативные ресурсы, делающие возможным совместное производство смысла, взаимно дополняют друг друга в установлении властных отношений.

Таким образом, по моему мнению, некоторые из наиболее влиятельных теорий власти, несмотря на теоретические и идеологические расхождения между ними, разделяют общий многомерный подход к анализу конструирования власти в обществе¹: *насилие, угроза обращения к нему, дисциплинарные дискурсы, угроза введения дисциплины, институционализация властных отношений как воспроизводимого доминирования и процесс легитимации, посредством которого ценности и правила принимаются субъектами референции, — все являются взаимодействующими элементами в процессе производства и воспроизводства властных отношений в социальных практиках и организационных формах.*

Данный эклектичный взгляд на власть — полезный, будем надеяться, в качестве исследовательского инструмента за пределами его уровня абстракции — формулирует два понятия классического различения *власти над* и *власти для*, предложенного Толкоттом Парсонсом [Parsons, 1963] и развитого несколькими теоретиками, например, Герхардом Гёлером [Goehler, 2000] — различие транзитивной власти (власть над) и интранзитивной власти (власть для). Поскольку, если мы допустим, что все социальные структуры основаны на властных отношениях, укорененных в институтах и организациях [Lukes, 1974], то для социального актора следовать определенной стратегии для достижения некоторой цели, имея соответствующие права влиять на социальные процессы, с необходимостью означает вмешательство в совокупность отношений власти, которые определяют любой данный социальный процесс и условия достижения специфической цели. Полномочия социальных акторов не могут быть отделены от их полномочий, направленных против других социальных акторов, если только мы не примем наивный образ человеческого сообщества, живущего в согласии, нормативную утопию, опровергнутую историческим наблюдением [Tilly, 1990; 1993; Fernandez-Armesto, 2000]. Несмотря на то что, как писала Ханна Арендт [Arendt, 1958], власть сделать что-либо *всегда* есть власть сделать что-либо против кого-то или вопреки ценностям и интересам этого «кого-то», закрепленным в системах, которые управляют и организуют социальную жизнь. Как писал Майкл Манн во введении к своему историческому исследованию источников социальной власти, «в самом общем смысле власть представляет собой способность преследовать и достигать целей посредством влияния на свое окружение» [Mann,

¹ Анализ Антонио Грамши отношений между государством и гражданским обществом в терминах гегемонии близок к указанной формулировке, хотя и концептуализирован в иной теоретической перспективе, уходящей корнями в классовый анализ [Gramsci, 1975 (Грамши, 1991)].

1986, р. 6]. И после ссылки на различие Парсонсом дистрибутивной и коллективной власти он утверждает, что:

В большинстве социальных отношений оба аспекта власти, дистрибутивный и коллективный, эксплуататорский и функциональный, действуют одновременно и тесно связаны. В самом деле, отношение между ними носит диалектический характер. В погоне за своими целями люди вступают в кооперативные, коллективные властные отношения друг с другом. Но в процессе реализации коллективных целей устанавливается социальная организация и разделение труда... Несколько человек наверху могут держать массы внизу в повиновении, обеспечивая *институционализацию* их контроля в законах и нормах социальной группы, в которой те действуют [Mann, 1986, р. 6–7].

Таким образом, общества не являются общностями, разделяющими ценности и интересы. Они представляют собой противоречивые социальные структуры, существующие в конфликтах и переговорах между различными и часто противодействующими друг другу социальными акторами. Конфликты никогда не заканчиваются; они просто приостанавливаются с помощью временных соглашений и нестабильных контрактов, которые трансформируются в институты доминирования теми социальными акторами, кто достиг выгодной позиции в борьбе за власть, даже ценой допущения некоторой степени институционального представительства множества интересов и ценностей, которые остаются отодвинутыми на второй план. Таким образом, институты государства и — за пределами государства — институты, организации и дискурсы, которые определяют и регулируют социальную жизнь, никогда не являются выражением «общества», черного ящика многозначного полисемантического смысла, интерпретация которого зависит от перспектив социальных акторов. Они кристаллизуют властные отношения; иначе говоря, «обобщенные средства» (Парсонс), дающие акторам возможность осуществлять власть *над* другими социальными акторами с тем, чтобы иметь власть *для* осуществления своих целей.

Этот теоретический подход вряд ли является принципиально новым. Он основан на теории производства общества Алена Турена [Touraine, 1973] и на теории структуризации Энтони Гидденса [Giddens, 1984]. Акторы производят институты общества в условиях структурных позиций, которые они занимают, но обладая при этом способностью (в конечном итоге ментальной) принимать участие в самопорождаемом, намеренном, осмысленном социальном действии. Вот как структура и действие интегрированы в понимание социальной динамики без необходимости допущения или отрицания симметричных редукционизмов структурализма или субъективизма. Этот подход не только является возможной точкой конвергенции релевантных социальных теорий, но также, как представляется, находит подтверждение в данных социальных исследований [Giddens, 1979; Mann,

1986; 1992; Melucci, 1989; Dalton, Kuechler, 1990; Bobbio, 1994; Calderon, 2003; Tilly, 2005; Sassen, 2006].

Впрочем, процессы структуризации являются многоуровневыми и разнонаправленными. Они действуют в разных формах и на разных уровнях социальной практики: экономической (производство, потребление, обмен), технологической, природной, культурной, политической и военной. И они включают гендерные отношения, которые конституируют горизонтальные властные отношения, пронизывающие всю структуру. Эти многоуровневые процессы структуризации порождают специфические формы времени и пространства. Каждый из этих уровней практики и каждая пространственно-временная форма (вос)производит и (или) бросает вызов властным отношениям у истоков институтов и дискурсов. И эти отношения включают комплекс соглашений между различными уровнями практик и институтов — глобальных, национальных, локальных и индивидуальных [Sassen, 2006]. Следовательно, если структуризация множественна, то аналитическая проблема состоит в понимании специфики властных отношений на каждом из этих уровней, форм и градаций социальной практики и в их долгосрочных структурных результатах [Naugaard, 1997]. Таким образом, *власть не локализована в одной конкретной социальной сфере или институте, но распределена по всему пространству человеческого действия. Тем не менее существуют концентрированные выражения властных отношений в определенных социальных формах, которые обуславливают и определяют практику власти в обществе в целом путем усиления доминирования. Власть реляционна, доминирование институционально*. Особо значимой релевантной формой доминирования на протяжении истории было государство в его различных проявлениях [Poulantzas, 1978; Mulgan, 2007]. Но государства являются историческими образованиями [Tilly, 1974]. Следовательно, объем власти, которым они обладают, зависит от общей социальной структуры, в которой они функционируют. И это самый важный вопрос в понимании отношений между властью и государством.

Согласно классической веберовской формулировке: «в конечном итоге мы можем определить современное государство только в терминах специфических средств, присущих ему, как и любой политической ассоциации, а именно использования политической силы. *Каждое государство основано на силе*» ([Weber, 1946, p. 77]. Курсив мой. — М. К.). Поскольку государство может навязать властные отношения каждой сфере социальной практики, оно является конечным гарантом властей малой мощности, или микровластей, т.е. властей, осуществляемых вне политической сферы. Когда отношения микровласти вступают в противоречие со структурами доминирования, укорененными в государстве, то либо государство изменяется, либо доминирование восстанавливается с помощью институциональных средств. Хотя акцент здесь сделан на силе, логика доминирования также может быть укоренена в дискурсах как альтернативных (так и complemen-

тарных) форм осуществления власти. Дискурсы понимаются в фукианской традиции как комбинации знания и языка. Но между доминированием как возможностью обращения к силе и дисциплинарными дискурсами нет противоречия. Действительно, анализ доминирования, осуществленный Фуко с помощью дисциплинарных дискурсов, лежащих в основании институтов общества, относится главным образом к государственным или парагосударственным институтам: тюрьмам, армиям, психиатрическим лечебницам. Присущая государству логика также расширена до дисциплинарных миров производства (завод) или сексуальности (гетеросексуальная патриархальная семья) [Foucault, 1976; 1984a; 1984b]. Иначе говоря, дисциплинарные дискурсы подкрепляются потенциальным использованием насилия, а государственное насилие рационализируется, интернализируется и, в конечном счете, легитимируется дискурсами, которые создают/формируют человеческое действие [Clegg, 2000]. Действительно, институты и параинституты государства (например, религиозные институты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа) являются основными источниками этих дискурсов. Для того чтобы бросить вызов существующим властным отношениям, необходимо создать альтернативные дискурсы, обладающие потенциалом преодолеть дисциплинарную дискурсивную способность государства в качестве необходимого шага для нейтрализации использования им насилия. Следовательно, хотя властные отношения распределены в социальной структуре, государство в исторической перспективе остается стратегической инстанцией осуществления власти различными способами. Но само государство зависит от множества источников власти. В рамках своего теоретического анализа способности государства приобретать и осуществлять власть Джефф Малган четко обозначает три источника власти: насилие, деньги и доверие.

Три источника власти вместе поддерживают политическую власть, суверенную власть устанавливать законы, отдавать команды и удерживать вместе людей и территорию... Она концентрирует силу посредством своих армий, концентрирует ресурсы посредством казначейств и в последнее время концентрирует власть, чтобы формировать умы преимущественно через большие системы образования и коммуникации, являющиеся двойным клеем современных национальных государств... Из трех источников власти наиболее важным для суверенитета является власть над мыслями, порождающая доверие. Насилие может быть использовано только негативно; деньги могут быть использованы только в двух измерениях — выдачи и изъятия. Но знание и мышление могут трансформировать вещи, двигать горы и превращать эфемерную власть по видимости в перманентную [Mulgan, 2007, p. 27].

Однако формы существования государства и его способность воздействовать на властные отношения зависят от специфики социальной структуры, в рамках которой государство функционирует. Действительно, сами

понятия государства и общества зависят от границ, определяющих их существование в данном историческом контексте. И наш исторический контекст отмечен современными процессами глобализации и развитием сетевого общества, опирающихся на сети коммуникации, которые перерабатывают знание и мысли для создания и разрушения доверия, — решающего источника власти.

Государство и власть в глобальную эпоху

Согласно Максу Веберу, сфера влияния любого существующего государства ограничена территориально: «На сегодняшний день мы должны сказать, что государство (в отличие от различных институтов, основанных на применении силы в прошлом) является человеческим сообществом, которое (успешно) провозглашает монополию на легитимное использование физической силы на данной территории. Заметим, что территория является одной из характеристик государства» [Weber, 1946, p. 78]. Это необязательно национальное государство, но обычно в его современном проявлении оно таковым является: «Нация — это сообщество чувства, которое будет адекватно проявлять себя как государство в государстве; следовательно, нация — это сообщество, которое, если позволяют обстоятельства, имеет обыкновение создавать государство в государстве» [Weber, 1978, p. 22]. Таким образом, нации (культурные сообщества) создают государства, и они делают это, провозглашая монополию на насилие на данной территории. Артикуляция государственной власти и политики имеет место в обществе, которое определяется как таковое государством. Это имплицитное допущение многих исследований власти, которые рассматривают властные отношения внутри территориально построенного государства или между государствами. Нация, государство и территория определяют границы общества.

Этот «методологический национализм» по праву оспаривается Ульрихом Беком, поскольку глобализация переопределила территориальные границы применения власти:

Глобализация, если обратиться к ее логическому следствию, означает, что социальные науки должны быть заново воссозданы как основанная на реальности транснациональная наука — концептуально, теоретически, методологически и организационно в одной и той же степени. Это означает тот факт, что существует необходимость переопределения и реконцептуализации базовых понятий «общества современного типа» — домохозяйства, семьи, класса, демократии, доминирования, государства, экономики, публичной сферы, политики и т.п. — в контексте методологического космополитизма, освободившись от пристрастий методологического национализма [Beck, 2005, p. 50].

Дэвид Хелд в своей новаторской статье 1991 г., продолженной серией политических и социальных исследований глобализации, показал, как классическая теория власти, сфокусированная на национальном государстве или субнациональных государственных структурах, утрачивает привычную систему координат с момента, когда ключевые компоненты социальной структуры одновременно оказываются, скорее, локальными и глобальными, чем локальными или национальными [Held, 1991; 2004; Held et al., 1999; Held, McGrew, 2007]. Юрген Хабермас [Habermas, 1998] описывает проблемы, возникающие с появлением феномена, который он называет «постнациональной констелляцией», — когда в результате процесса демократической легитимации конституция (определяющий институт) является национальной, а источники власти все в большей степени формируются в наднациональной сфере. Зигмунд Бауман [Bauman, 1999] размышляет о новом понимании политики в глобализованном мире. А Саския Сассен [Sassen, 2006] показывает трансформацию авторитета и прав, а значит, и властных отношений, через эволюцию социальной структуры в направлении «глобальных ансамблей».

Резюме: если властные отношения существуют в специфических социальных структурах, которые возникают на основе пространственно-временных образований, и данные пространственно-временные образования больше не располагаются преимущественно на национальном уровне, но являются одновременно глобальными и локальными, то границы общества меняются, как и система координат властных отношений, которые уже выходят за пределы национального [Fraser, 2007]. Это не означает, что национальное государство исчезает. Но национальные границы властных отношений являются лишь одним из параметров, которыми оперируют власть и контрвласть. В конечном счете, это затрагивает национальное государство как таковое. Даже если оно не исчезнет полностью как особая форма социальной организации, изменятся его роль, его структура и функции, оно постепенно эволюционирует в новую форму государства: сетевое государство, которое я проанализирую ниже.

Как в этом новом контексте мы можем понимать властные отношения, которые не прямо опосредованы территориальными границами, определенными государством? Теоретическая конструкция, предложенная Майклом Манном для понимания социальных источников власти и базирующаяся на его историческом исследовании, предлагает определенные аналитические наработки по данному вопросу, поскольку он концептуализирует общества как «состоящие из множества перекрещивающихся и взаимодействующих социопространственных сетей власти» [Mann, 1986, p. 1]. Следовательно, прежде чем искать территориальные границы, нам необходимо определить социопространственные сети власти (локальные, национальные, глобальные), в точках пересечения которых формируется общество. Хотя государственно-центрированный взгляд на мировое политическое

управление обеспечивает ясное представление о границах общества и, следовательно, о местах власти в контексте глобальной эпохи, используя характеристики Бека для понимания институтов, мы должны начать с сетей [Beck, 2005]. Или, в терминологии Сассен [Sassen, 2006], с форм ансамблей, ни глобальных и ни локальных, но и тех и других одновременно, определяющих особый тип властных отношений, которые и составляют основание каждого общества. В конечном счете, традиционный взгляд на общество может быть поставлен под вопрос, поскольку каждая сеть (экономическая, культурная, политическая, технологическая, военная и т.п.) обладает собственной пространственно-временной и организационной конфигурацией, так что их точки пересечения подвергаются постоянным изменениям. Общества как национальные общества становятся сегментированными и постоянно видоизменяются под воздействием динамических сетей в их исторически унаследованных социальных структурах. В терминологии Манна, «общество — это сеть социальных интеракций, на границах которой существует определенный уровень взаимного расхождения между ним и его окружающей средой. Общество — это единство внутри границ» [Mann, 1986, p. 13].

Действительно, трудно представить общество без границ. Но сети не имеют фиксированных границ; они открыты и многогранны, а их расширение или сжатие зависит от сочетаемости или конкуренции интересов и ценностей, существующих внутри каждой сети, а также интересов и ценностей, возникающих в сетях, когда они вступают в контакт друг с другом в процессе их расширения. Исторически государство (национальное или какое-либо еще) могло выполнять функции привратника сетевых взаимодействий, обеспечивая некоторую стабильность для определенной конфигурации перекрывающих друг друга сетей власти. Хотя в условиях многоуровневой глобализации государство становится просто узлом (хотя и важным) определенной сети (политической, институциональной или военной), пересекающейся с другими значимыми сетями в процессе социальной практики. Таким образом, социальная динамика, формирующаяся вокруг сетей, действует в направлении постепенного исчезновения общества как стабильной социальной формы организации. Однако более конструктивный подход к пониманию процесса исторических изменений заключается в создании концепции новой формы общества — сетевого общества, состоящего из особых конфигураций глобальных, национальных и локальных сетей в многомерном пространстве социального взаимодействия. Я выдвигаю гипотезу, что относительно стабильные конфигурации, возникающие на пересечении этих сетей, могут обозначать границы, которые позволяют переопределить новое «общество» исходя из понимания, что существующие границы высоковолатильны в силу постоянных изменений в геометрии глобальных сетей, структурирующих общественные практики и организации. Чтобы проверить эту гипотезу, мне нужно отклонить-

ся в сторону сетевой теории, после чего я должен представить специфику сетевого общества в качестве особого типа социальной структуры. Только после этого мы сможем переопределить властные отношения в условиях глобального сетевого общества.

Сети

Сеть — это совокупность взаимосвязанных узлов. Узлы могут быть по-разному значимы для сети, а особенно важные узлы называются «центрами» в некоторых вариантах сетевой теории. К тому же любой компонент сети (включая «центры») является узлом, а его функция и значение зависят от программы сети и от взаимодействия с другими узлами в сети. Значимость узлов для сети увеличивается за счет поглощения более важной информации и более эффективной ее обработки. Относительная значимость узла вытекает не из его особых качеств, но из способности вносить вклад в эффективность сети в ходе достижения ее целей, которые определяются ценностями и интересами, заложенными в сетях. Несмотря на то что все узлы необходимы для деятельности сетей, последние тем не менее допускают некоторую избыточность как защиту своего надежного функционирования. Когда узлы становятся не необходимыми для достижения целей сети, сети *склонны* перестраиваться, удаляя некоторые узлы и добавляя новые. Узлы существуют и функционируют только как компоненты сетей. Сеть является единством, но не узел.

В социальной жизни сети представляют собой коммуникативные структуры. «Коммуникационные сети — это паттерны контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени» [Monge, Contractor, 2003, p. 3]. Таким образом, сети производят потоки. Потоки представляют собой движение информации между узлами, циркулирующее по каналам связи между узлами. Сеть определяется программой, которая задает сети ее цели и правила исполнения. Эта программа состоит из кода, который включает оценку исполнения и критерии успеха или неудачи. В социальных и организационных сетях социальные акторы, отстаивая свои ценности и интересы во взаимодействии с другими социальными акторами, находятся у истоков создания и программирования сетей. Так, однажды установленные и запрограммированные сети следуют инструкциям, занесенным в их операционную систему, и оказываются способными к самоформированию в рамках параметров, предписанных им целями и методами. Для изменения результатов сети новая программа (набор ориентированных на результат совместимых кодов) должна быть инсталлирована в сеть извне.

Сети (а также совокупности интересов и ценностей, которые они облекают в конкретную форму) сотрудничают или конкурируют друг с другом. Сотрудничество основывается на способности сетей коммуницировать

между собой. Эта способность зависит от существования кодов трансляции перевода, оперативной совместимости между сетями (протоколы коммуникации) и от доступа к точкам соединения (переключатели). Конкуренция зависит от способности превзойти другие сети большей действенностью в исполнении или в способности кооперации. Конкуренция может также принять деструктивную форму при разрушении переключателей конкурирующих сетей и (или) при столкновении интерференции с их коммуникационными протоколами. Сети работают на основе бинарной логики: исключение/включение. Внутри сети расстояние между узлами стремится к нулю, если каждый узел напрямую связан с любым другим узлом. Между узлами в сети и находящимися вне сети расстояние бесконечно, пока отсутствует доступ, кроме тех случаев, когда программа сети изменялась. Когда узлы в сети объединяются в кластеры, сети следуют логике параметров «тесного мира»: узлы могут соединяться с помощью ограниченного числа шагов со всей сетью или со смежными сетями из любого узла в сети [Watts, Strogatz, 1998]. Что касается коммуникационных сетей, я хотел бы добавить условие разделения протоколов коммуникации.

Следовательно, сети являются комплексными структурами коммуникации, сконструированными вокруг набора целей, которые одновременно обеспечивают единство цели и гибкость исполнения благодаря их способности адаптироваться к операционной среде. Они запрограммированы и самонастраиваемы в одно и то же время. В социальных и организационных сетях их цели и операционные процедуры запрограммированы социальными акторами. Их структура развивается согласно способности сети к самонастраиванию в нескончаемом поиске более эффективных сетевых устройств.

Сети не являются специфическим явлением для обществ XXI в. или — в нашем случае — для человеческого сообщества [Buchanan, 2002]. Сети конституируют фундаментальный паттерн жизни. Как пишет Фриттьоф Капра, «сеть — это паттерн, общий для всех видов жизни. Где бы мы ни находили жизнь, мы находим сети» [Capra, 2002, p. 9]. Исследователи социальных сетей осуществляли длительное изучение динамики социальных сетей в самом сердце социального взаимодействия и производства смысла — в социальной жизни [Burt, 1980], что привело к разработке систематизированной теории коммуникационных сетей [Monge, Contractor, 2003]. Более того, археологи и историки Античности настойчиво напоминают нам, что исторические записи свидетельствуют о проницаемости и важности сетей как главной опоры общества на протяжении тысячелетий в самых развитых античных цивилизациях в нескольких регионах планеты. Действительно, если мы перенесем понятие глобализации на географию античного мира, обусловленную доступными транспортными технологиями, то обнаружим некоторого рода сетевую глобализацию в античных обществах, зависящих от связи их основных видов деятельности с сетями, выходящими за пределы

локальности их жизнедеятельности в отношении средств к существованию, ресурсов и власти [LaBianca, 2006]. Исламская культура была исторически основана на глобальных сетях [Cooke, Lawtence, 2005]. А Джон МакНейл и Уильям МакНейл [McNeil, McNeil, 2003] продемонстрировали важнейшую роль сетей в социальной организации на протяжении истории.

Эти наблюдения реальных исторических фактов противоречат наиболее распространенному видению эволюции общества, сконцентрированному на иного типа организации — на иерархическом бюрократическом аппарате, основанном на вертикальной интеграции ресурсов и субъектов как выражении организованной власти социальной элиты, легитимированной с помощью мифологии и религии. Это в некотором роде искаженное видение, поскольку исторический и социальный анализ ориентировался преимущественно на этноцентризм и идеологию, чем на скрупулезное изучение сложности мультикультурного мира. Однако эта относительная индифферентность наших исторических представлений о важности сетей в структуре и динамике общества может быть также связана с реальной подчиненностью этих сетей логике вертикальных организаций, чья власть была вписана в институты общества и распространялась через односторонне направленные потоки управленческих команд и контролирующих указаний [Braudel, 1949; Mann, 1986; 1992; Colas, 1992; Fernandez-Armesto, 1995]. Моя гипотеза, объясняющая историческое превосходство вертикальных (иерархических) организаций над горизонтальными сетями, заключается в том, что у децентрализованной сетевой формы общественной организации существуют требующие преодоления фундаментальные материальные ограничения, обусловленные наличными технологиями. Действительно, сила сетей — в их гибкости, адаптивности и способности к самонастраиванию. Однако за определенной гранью размера, сложности и объема потоков *в условиях доэлектронной коммуникационной технологии* они оказываются менее эффективными, чем вертикально организованные командно-административные структуры [Мокуг, 1990]. Да, использующие силу ветра парусные суда сумели создать торговые сети и сети завоеваний, пересекающие моря и даже океаны. А эмиссары на лошадях или быстроногие гонцы смогли обеспечить связь между центром и периферией на обширных территориях империй. Однако временной лаг замкнутого цикла обратной связи в процессе коммуникации был таков, что логика системы вела к одностороннему потоку передачи информации и директив. В этих условиях сети были расширением сконцентрированной на вершине вертикальных организаций власти, которая формировала историю человечества: государства, религиозные институты, военные диктаторы, армии, бюрократии и их подчиненные в вопросах производства, торговли и культуры.

Способность сетей включать в процесс социальной организации новых акторов и новый контент, обладающих некоторой автономией относительно центров власти, возрастает с течением временем благодаря

технологическим изменениям и, если быть более точным, с развитием коммуникационных технологий. Определенно это был особый случай, позволивший использовать развитую энергетическую сеть, характеризующую наступление индустриальной революции [Hughes, 1983]. Железные дороги и телеграф создали первую инфраструктуру квазиглобальной сети коммуникации, обладающей возможностью самостоятельного изменения своей конфигурации, возможностью перенастройки [Beniger, 1986]. Однако индустриальное общество (как в капиталистическом, так и в государственническом варианте) было структурировано преимущественно вокруг крупных, вертикально управляемых организаций и предельно централизованных иерархических государственных институтов, в некоторых случаях превратившихся в тоталитарные системы. Это означает, что ранние, основанные на электричестве коммуникационные технологии были недостаточно мощными, чтобы обеспечить автономию всем узлам сети, поскольку эта автономия требовала разнонаправленности и обработки непрерывного потока интерактивной информации. Но это также означает, что доступность подходящей технологии является необходимым, но недостаточным условием трансформации общественной структуры. Только в условиях зрелого индустриального общества могли возникнуть автономные проекты организационного сетевого взаимодействия. Только с их появлением стало возможным использовать потенциал микроэлектронных цифровых коммуникационных технологий [Benkler, 2006].

Таким образом, сети, развивающиеся в новой технологической среде, оказались самыми эффективными организационными формами в результате трех их главных характеристик: гибкости, масштабируемости и живучести. *Гибкость* — это способность перенастраиваться в соответствии с изменяющимся окружением и сохранять свои цели даже при изменении их компонентов, обходя точки блокировки коммуникационных каналов для нахождения новых соединений. *Масштабируемость* — это способность к увеличению или уменьшению в размерах с наименьшими потерями. *Живучесть* — это способность сетей, поскольку у них нет единого центра и они могут действовать в широком диапазоне конфигураций, противостоять атакам на их узлы и коды, ибо коды сети содержатся во множестве узлов, которые могут воспроизвести предписания программы и найти новые способы для их установки. Таким образом, только материальная возможность разрушить точки соединения может уничтожить сеть.

Ядром этого технологического изменения, которое высвободило властный потенциал сетей, стала трансформация информации и коммуникационных технологий, основанных на революции в микроэлектронике, произошедшая в 1950–1960-х годах [Freeman, 1982; Perez, 1983]. Она заложила основу новой технологической парадигмы, впервые появившейся в 1970-х годах в США и быстро распространившейся по всему миру, приведя к тому, что я охарактеризовал как информационную эпоху [Castells,

2000a; 2000c; 2004c]. Уильям Митчелл [Mitchell, 2003] создал концепцию исторической трансформации логики информации и коммуникационной технологии в процессе расширения и наращивания возможностей человеческого тела и человеческого сознания: процесс, который в начале XXI в. характеризуется взрывным развитием портативных мобильных устройств, обеспечивающих вездесущую беспроводную коммуникацию и возможность бесперебойной обработки данных. Это побуждает социальные единства (индивидов или организации) взаимодействовать везде и всегда, хотя и полагаясь на поддерживающую инфраструктуру, которая управляет материальными ресурсами в распределяющей информационную власть энергетической системе [Castells et al., 2006b]. С приходом нанотехнологий и конвергенции микроэлектроники и биологических процессов и материалов границы между человеческой жизнью и жизнью машин размываются, поскольку сети расширяют возможности их взаимодействия из нашего внутреннего Я на всю сферу человеческой деятельности, выходя за границы времени и пространства. Ни Митчелл, ни я не предались написанию сценариев научно-фантастических фильмов в качестве замены анализа техносциального процесса трансформации. Но именно для целей анализа существенно подчеркивание роли технологии в процессе социальной трансформации, особенно когда мы рассматриваем центральную технологию нашего времени — коммуникационную технологию, — которая относится к сердцевине существования человеческого вида: осознанной, осмысленной коммуникации [Carga, 1996; 2002; Damasio, 2003]. Вот почему сетевое общество смогло полностью развернуться именно благодаря доступной электронной информации и коммуникационным технологиям, выйдя за исторические ограничения сетей как формы социальной организации и интеракции.

Глобальное сетевое общество²

Сетевое общество — это общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых с помощью переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий. Я понимаю социальные структуры как организационные упорядоченности людей в сферах производства, потребления, воспроизводства, опыта и власти, выраженных в осмысленной, закодированной культурой коммуникации.

² Этот раздел — уточненный и дополненный анализ, представленный в моей книге «Восход сетевого общества» [2000c]. Я беру на себя смелость отослать читателя к этой книге для дальнейшего уточнения и эмпирического обоснования представленных здесь теоретических выводов. Дополнительные вспомогательные материалы можно найти в некоторых из моих недавних работ [Castells, 2000b; 2001; 2004b; 2005a; 2005b; 2008a; 2008b; Castells, Himanen, 2002; Castells et al., 2006b; 2007].

Цифровые сети глобальны, поскольку они, как предписано в их программах, обладают способностью самостоятельной перенастройки, выходя тем самым за территориальные и институциональные границы через телекоммуникационные компьютерные сети. Таким образом, социальная структура, инфраструктура которой основывается на цифровых сетях, обладает потенциальной возможностью стать глобальной. Однако сетевая технология и сетевая организация являются только средствами для реализации тенденций, существующих в социальной структуре. Наблюдаемый процесс глобализации берет свое начало в экономических, политических и культурных факторах, что подтверждено научным анализом этого феномена [Beck, 2000; Held, McGrew, 2000; 2007; Stiglitz, 2002]. Но, как показано в некоторых работах, силы, движущие глобализацию, могут быть приведены в действие только потому, что в их распоряжении есть возможность глобального осетевления, предоставляемая цифровыми коммуникационными технологиями и информационными системами, включая компьютеризированные, быстрые, большой протяженности передающие сети [Kiyoshi et al., 2006; Grewal, 2008]. Это фактически и есть то, что отличает современный процесс глобализации — размер, скорость и сложность — от предшествующих форм глобализации в ранние периоды истории.

Таким образом, сетевое общество — это глобальное общество. Однако это не означает, что люди везде включены в эти сети. На текущий момент большинство жителей планеты — вне их [Hammond et al., 2007]. Но каждого затрагивают процессы, происходящие в глобальных сетях, которые конституируют социальную структуру. Основная деятельность, которая формирует и контролирует человеческую жизнь в каждом уголке нашей планеты, организована на основе глобальных сетей: финансовые рынки; транснациональное производство, управление и распространение товаров и услуг; высококвалифицированный труд; наука и технологии, включая высшее образование; массмедиа; сеть Интернет с интерактивной, многоцелевой коммуникацией; культура; искусство; окружающая среда; спорт; международные институты, управляющие глобальной экономикой и межгосударственными отношениями; религия; криминальная теневая экономика; транснациональные общественные организации и социальные движения, которые отстаивают права и ценности нового, глобального гражданского общества [Held et al., 1999; Volkmer, 1999; Castells, 2000a; Jacquet et al., 2002; Stiglitz, 2002; Kaldor, 2003; Grewal, 2008; Juris, 2008]. Глобализацию предпочтительнее понимать как осетевление (объединение в общую сеть) этих решающих в социальном смысле глобальных сетей. Следовательно, исключение из этих сетей, часто в кумулятивном процессе исключения, равносильно структурной маргинализации в глобальном сетевом обществе [Held, Kaya, 2006].

Сетевое общество избирательно распространяется по планете, функционируя в уже существующих сайтах, культурах, организациях и ин-

ститутах, которые все еще формируют большинство материальной среды жизнедеятельности людей. Социальная структура является глобальной, но большая часть человеческого опыта локальна как в территориальном, так и в культурном смысле [Bořja, Castells, 1997; Norris, 2000]. Специфические общества, определяемые наличными границами национальных государств или культурными границами исторических идентичностей их граждан, глубоко фрагментированы двойственной логикой включения и исключения из глобальных сетей, которые структурируют производство, потребление, коммуникацию и власть. Я выдвигаю гипотезу, что разделение общества на включенных и исключенных является чем-то большим, чем просто выражением отставания по времени, временным лагом, необходимым для постепенного внедрения предыдущих социальных форм в новую доминантную логическую схему. Фактически таково структурное свойство глобального сетевого общества. Это связано с тем, что возможность перенастраивания, вписанная в процесс создания сети, позволяет программам управлять каждой сетью в поиске ценных дополнений везде и их последующим включением, в то же время обходя и исключая те территории, виды деятельности и людей, которые представляют незначительную ценность или даже вовсе не обладают ею для выполнения тех задач, что предназначены для данной сети. На деле, как заметил Джефф Малган, «сети созданы не только для обмена данными, но также для создания позиции, выхода за рамки коммуникации как таковой» [Mulgan, 1991, p. 21]. Сетевое общество работает, как я уже отмечал, на основе бинарной логики включения/исключения, границы которой меняются с течением времени: при изменениях как сетевых программ, так и условий создания этих программ. Это также зависит от способностей социальных акторов действовать в соответствии с этими программами в различных ситуациях, модифицируя их согласно своим интересам. Глобальное сетевое общество — это динамическая структура, которая легко поддается воздействию социальных сил, культуры, политики и экономических стратегий. Но то, что сохраняется во всех этих случаях, — это доминирование над деятельностью и людьми, находящимися вне сетей. В этом смысле глобальное одерживает верх над локальным до тех пор, пока локальное не становится связанным с глобальным в качестве узла альтернативных глобальных сетей, созданных социальными движениями.

Таким образом, неравномерная глобализация сетевого общества является фактически высокозначимым свойством этой социальной структуры. Сосуществование сетевого общества в качестве глобальной структуры с индустриальным, аграрным, коммунальным обществами или обществом выживания характеризует реалии всех стран, несмотря на различные доли населения и территорий по обе стороны разделительной линии, в зависимости от релевантности каждого сегмента для доминирующей логической схемы каждой сети. Это говорит о том, что разные сети обладают различ-

ными геометрией и географией включения и исключения: карта глобальной криминальной экономики не та же, что карта, демонстрирующая схему размещения интернациональных образцов высокотехнологичной промышленности.

В теоретическом плане сетевое общество должно быть проанализировано, во-первых, как глобальная архитектура самоперенастраивающихся сетей, постоянно программируемых и перепрограммируемых властями, которые присутствуют в каждом измерении; во-вторых, как результат взаимодействия между различными геометриями и географиями сетей, которые включают основные виды деятельности, иначе говоря, деятельность, формирующую жизнь и работу в обществе; и, в-третьих, как результат вторичного взаимодействия между этими доминирующими сетями с геометрией и географией разобщенных социальных формаций, оставшихся вне системы глобального осетевления.

Понимание властных отношений в нашем мире должно быть специфичным для этого конкретного общества. Обоснованное обсуждение особенностей сетевого общества требует определения параметров его главных компонентов: производства и присвоения благ, работы, коммуникации, культуры и ее способа существования как пространственно-временного образования. Только после этого я смогу, по существу, представить предварительную гипотезу о специфике властных отношений в глобальном сетевом обществе — гипотезу, которая будет ориентиром исследования, представленного в настоящей книге.

Что такое ценность в сетевом обществе?

Социальные структуры, такие, как сетевое общество, возникают в процессах производства и присвоения благ. Но что конституирует благо в сетевом обществе? Что движет систему производства? Что мотивирует тех, кто присваивает блага и контролирует общество? По этим вопросам не произошло изменений по сравнению с существовавшими ранее в истории социальными структурами: благо, или ценность, — это то, что устанавливают в качестве такового доминирующие институты общества. Таким образом, если глобальный капитализм формирует мир, а накопление капитала с помощью оценки финансовых средств на глобальных финансовых рынках является наивысшей ценностью, то это и будет ценностью в каждом случае, пока при капитализме получение прибыли и ее материализация в денежной форме может, в конечном счете, дать все остальное. Важный момент заключается в том, что в социальной структуре, возникающей в глобальных сетях, какая бы иерархия ни существовала внутри, сети регулируют всю энергетическую систему сетей, организующих/доминирующих на планете. Если, к примеру, мы говорим, что накопление капитала — это то, что двигает систему, а обращение капитала в основном происходит на гло-

бальных финансовых рынках, то глобальные финансовые рынки и будут определять цену каждой транзакции в любой стране, так как не существует экономики, не зависящей от финансовой оценки, предписываемой глобальными финансовыми рынками. Или, наоборот, мы считаем, что наивысшая ценность — военная мощь, технологическая и организационная способность военных машин структурировать власть в их сферах влияния и создавать условия для других форм ценности (например, для накопления капитала или политического доминирования), существовать под ее покровительством. Однако, если передача технологии, информации или знания определенной вооруженной организации блокирована, эта организация становится иррелевантной в мировом контексте. Следовательно, мы можем сказать, что глобальные сети информации и технологии являются доминирующими, поскольку они обуславливают военные возможности, которые, в свою очередь, обеспечивают безопасность функционирования рынка. Другая иллюстрация своеобразия процессов установления ценности: мы можем утверждать, что самый важный источник влияния в сегодняшнем мире — это трансформация человеческого сознания. Если это так, тогда ключевыми сетями оказываются медиа, поскольку именно медиа, организованные в глобальные конгломераты и их передающие сети, являются основными источниками сообщений и образов, которые оказывают влияние на сознание людей. Но если мы станем рассматривать медиа преимущественно как медиабизнес, тогда логика получения прибыли, как путем коммерциализации медиа с помощью рекламной индустрии, так и в ходе оценки его активов, станет самым важным.

Таким образом, разнообразие потенциальных источников сетевого доминирования позволяет представить сетевое общество как многомерную социальную структуру, в которой сети различного рода обладают разными логиками формирования ценностей. Определение, которое конституирует то, что является ценностью, зависит от особенностей сети и от ее программы. Любая попытка свести ценность как таковую к единому стандарту сталкивается с непреодолимыми методологическими и практическими трудностями. Так, если получение прибыли является наивысшей ценностью при капитализме, а военная власть — в конечном счете, основа государственной власти, то государство обладает значительными возможностями создавать и вводить новые правила для деятельности бизнеса (спросите русских олигархов о Путине). В то же время государственная власть, даже в недемократических контекстах, зависит по большей части от убеждений людей, их способности принимать правила или, в качестве альтернативы, от готовности оказывать сопротивление. В таком случае медиасистема и другие средства коммуникации, такие как Интернет, могут превосходить государственную власть, которая, в свою очередь, будет обуславливать правила получения прибыли и, таким образом, вытеснять деньги с позиции наивысшей ценности.

Таким образом, *ценность фактически является выражением власти*: кто бы ни обладал властью (зачастую это не те, кто входит в правительство), тот и решает, что является ценностью. В этом смысле сетевое общество отнюдь не ново. То, что действительно ново, так это глобальный охват и сетевая архитектура. Это означает, с одной стороны, что отношения доминирования между сетями очень важны. Они характеризуются постоянным гибким взаимодействием: например, между глобальными финансовыми рынками, геополитическими процессами и медиастратегиями. С другой стороны, поскольку логика создания ценностей как выражения доминирования становится глобальной, те явления, которые имеют структурные препятствия для глобального существования, находятся в неблагоприятном положении по отношению к другим, чья логика по своей сути глобальна. Это обстоятельство имеет важное практическое значение, так как лежит в основе кризиса национального государства в индустриальную эпоху (но не в качестве государства как такового, поскольку каждая социальная структура создает свою собственную форму государства). В связи с тем что национальное государство может только усиливать действенность правил на своей территории, за исключением случаев слияний или захватов, оно становится либо имперским, либо сетевым, встроенным в другие сети определения ценности. Вот почему, например, Соединенные Штаты в начале XXI в. сделали упор на понятии защиты от терроризма как доминирующей ценности для всего мира. Это был способ выстраивания основанной на военной силе сети, которая должна была утвердить свою гегемонию с помощью внедрения на место получения прибыли в качестве наивысшей ценности безопасности или менее крупных целей (таких, как права человека или окружающая среда). Однако нередко капиталистическая логика быстро вытесняет проекты по защите безопасности, что замечательно иллюстрирует прибыльный бизнес коррумпированных американских компаний в Ираке [Klein, 2007].

Капитал всегда тешил себя представлением мира без границ, о чем настойчиво напоминает нам Дэвид Харви, так что глобальные финансовые сети обладают решающим преимуществом высшей ценностной инстанции в глобальном сетевом обществе [Harvey, 1990]. Хотя человеческая мысль, по-видимому, самый быстро распространяющийся и влиятельный элемент любой социальной системы, ее существование в условиях зависимости от глобальной/локальной интерактивной коммуникационной системы, функционирующей в реальном времени, безусловно, представляет собой возникшее только сейчас, впервые в истории явление [Dutton, 1999; Benkler, 2006]. Таким образом, идеи или некий набор идей могут отстаиваться как подлинная наивысшая ценность (например, защита нашей планеты, живых существ на ней или как служение Божьему промыслу), являясь предпосылкой всего остального.

Резюме: старый вопрос индустриального общества — фактически краеугольный камень классической политической экономии — а именно: «что

такое ценность?» не имеет определенного ответа в глобальном сетевом обществе. Ценность — это то, что формируется в каждой доминирующей сети всякий раз в каждом пространстве в соответствии с иерархией, запрограммированной для сети акторами, воздействующими на сеть. Капитализм не исчез. На деле он более распространен, чем когда-либо. Но, вопреки распространенному идеологическому представлению, это не единственная игра в этом глобальном городе.

Работа, труд, класс и гендер: сетевое предпринимательство и новое социальное разделение труда

Приведенный выше анализ новой политической экономии создания ценностей в глобальных сетях проложил путь к пониманию нового разделения труда и, следовательно, работы, производительности труда и эксплуатации. Люди работают, и они всегда это делали. Фактически сегодня люди работают больше (если брать общее количество рабочих часов в данном обществе), чем когда-либо раньше, с того времени в прошлом, когда большая часть женского труда не рассматривалась в качестве социально признанного (оплачиваемого) труда. Основная проблема всегда состоит в том, как работа организуется и оплачивается. Разделение труда было и до сих пор является мерой того, что оценивается в качестве трудового вклада, а что — нет. Это оценочное суждение организует процесс производства. Оно также определяет критерии, обусловленные разницей в потреблении и социальной стратификацией, в соответствии с которыми продукция распределяется. Наиболее фундаментальное, хотя и не единственное, разделение в сетевом обществе — между самопрограммируемым трудом и общим трудом [Carnoy, 2000; Castells, 2000c; Benner, 2002]. *Самопрограммируемый труд* обладает автономной способностью фокусироваться на цели, обозначенной в качестве таковой в процессе производства, находить релевантную информацию, перерабатывать ее в знания, используя доступные ресурсы знаний, и применять их к сформулированным задачам, направленным на достижение целей данного процесса. Чем сложнее наши информационные системы, интерактивно связанные с базами данных и источниками информации через компьютерные сети, тем больше требования, предъявляемые трудом, открывают возможностей для поиска и обработки информации. Для реализации этих потребностей необходимы соответствующее образование и опыт, но не в смысле практических навыков, а в виде креативных способностей, а также стремление к самосовершенствованию как в связи с организационными и технологическими изменениями, так и в процессе получения знаний. Напротив, необходимые задачи относятся к *универсальному труду*, который, в конечном счете, выполняется машинами или

перемещается в места с низкой стоимостью производства в зависимости от динамики анализа затрат и прибыли. Подавляющая масса работающих на планете людей и большая их часть в развитых странах все еще заняты универсальным трудом. Они — это нечто, не имеющее значения, нечто одноразового использования, за исключением случаев, когда они отстаивают свое право на существование как люди и граждане с помощью коллективных действий. Но в случае создания ценностей (в финансовой сфере, в производстве, исследованиях, спорте, в сфере развлечений, военных действиях или политическом капитале) речь идет о самопрограммируемом сотруднике, который стоит любой организации, контролирующей ресурсы. Таким образом, организация процесса труда в сетевом обществе действует согласно бинарной логике, отделяющей самопрограммируемый труд от универсального. Более того, гибкость и адаптивность обоих видов труда к постоянно меняющейся среде является предпосылкой их использования в качестве труда.

Особое разделение труда обусловлено гендером. Восхождение гибкого труда напрямую связано с феминизацией оплачиваемой рабочей силы — фундаментальной тенденцией социальной структуры в последние три десятилетия [Carrou, 2000]. Патриархальная организация семьи вынудила женщину ценить гибкую организацию своей профессиональной деятельности как единственный способ совместить семью и трудовые обязанности. Вот почему в большинстве стран подавляющее большинство временных работников и работников с частичной занятостью — женщины. Более того, хотя большинство женщин заняты универсальным трудом, их образовательный уровень значительно вырос по сравнению с мужчинами, при том что их заработанная плата и условия труда не претерпели подобных изменений. Таким образом, женщины превратились в идеальных работников сетевой глобальной капиталистической экономики: с одной стороны, они могут работать эффективно и адаптироваться к изменяющимся требованиям бизнеса; с другой стороны, они получают меньшую заработную плату за такую же работу и имеют меньше шансов для продвижения, поскольку идеология и практика гендерного разделения труда подчинены патриархальным установкам. Однако реальность, используя старое слово, диалектична. Хотя массовое привлечение женщин к оплачиваемому труду, частично из-за их подчиненного положения в условиях патриархата, стало решающим фактором в распространении глобального информационного капитализма, сама трансформация условий жизни женщин как оплачиваемых работников, в конечном счете, подорвала патриархальные устои. Феминистские идеи, зародившиеся в культуре социальных движений 1970-х годов, нашли благодатную основу в опыте работающих женщин, подвергавшихся дискриминации. Еще более важно, что экономическая имущественная состоятельность, приобретенная женщинами, усилила их властные позиции в отношении мужского главенства в семье, подрывая тем самым идеологическую право-

мерность подчиненного положения женщины, основанного на уважении авторитета мужчины как кормильца семьи. Таким образом, разделение труда в условиях его новой организации носит гендерный характер, но это динамический процесс, в котором женщины, разворачивая преобладающие структурные тенденции в противоположном направлении, стимулируют бизнес ставить мужчин в такие же условия, которые ранее были участием женщин (а именно: гибкость, профессиональная незащищенность, сокращения и перенос производства в офшоры). Таким образом, скорее, чем женщины поднимутся до уровня работников-мужчин, многие мужчины опустятся до уровня большинства работающих женщин, в то время как высокопрофессиональные женщины достигнут более высокого уровня коннективности, использовавшейся в сетях профи-парней. Эти тенденции оказали глубокое влияние как на классовую структуру общества, так и на отношения между мужчинами и женщинами на работе и в семье [Castells, Subirats, 2007].

Креативность, автономия и возможность самопрограммируемого умственного труда не принесли бы достойного вознаграждения, если бы они не были в состоянии совмещаться с сетевым характером труда. Действительно, фундаментальной причиной структурной необходимости гибкости и автономии является трансформация организации производственного процесса. Эта трансформация представлена *подъемом сетевого предпринимательства*. Подобная новая организационная форма бизнеса в условиях информатизации является историческим эквивалентом так называемой фордистской организации индустриализма (как капиталистического, так и огосударственного), который представляет собой организацию, характеризующуюся большими объемами стандартизированного массового производства и вертикальным контролем трудового процесса в соответствии с нисходящей рациональной схемой его организации («научный менеджмент» и тейлоризм — методы, вызывавшие восхищение Владимира Ленина, что привело к их имитации в СССР). Хотя еще миллионы работают на схожих по типу управления предприятиях, деятельность на высших уровнях современного производственного процесса (исследования и разработки, инновации, дизайн, маркетинг, менеджмент и массовое, ориентированное на потребителя, гибкое производство) зависит от совершенно другого типа фирм и, как следствие, от иного типа производства и труда: сетевого предпринимательства. Это не эквивалент сети предпринимательства. Это сеть, состоящая из фирм или сегментов фирм и (или) из внутренней сегментации фирм. Таким образом, большие корпорации полностью децентрализованы в качестве сетей. Малый и средний бизнесы соединены в сети, что обеспечивает как критическую массу вложений их субподрядчиков, так и сохранение в то же время их основной характеристики — гибкости. Сети малого и среднего бизнеса зачастую являются вспомогательными для больших корпораций, в основном для нескольких. Большие корпорации и их вспомогательные сети

обычно формируют сети сотрудничества, которые в деловой практике называют стратегическими альянсами или партнерством.

Но эти альянсы редко оказываются постоянно действующими структурами сотрудничества. Это не процесс олигопольной картelizации. Подобные многокомпонентные сложные сети создаются под конкретные бизнес-проекты и изменяют свою конфигурацию, перенастраиваясь для каждого нового проекта в рамках осуществляемой в разных сетях кооперации. Обычная бизнес-практика в этой сетевой экономике — использование любого из альянсов, видов партнерства или сотрудничества, наилучшим образом соответствующих данному продукту, процессу, времени или месту. Подобная совместная деятельность основана на разделении капитала и труда, но прежде всего — на информации и знаниях ради выигрыша доли рынка. Таким образом, это преимущественно информационные сети, которые связывают поставщиков и потребителей через сетевую фирму. Единицей такого производственного процесса является не фирма, а бизнес-проект, запущенный через сеть, сетевое предприятие. Фирма (компания) продолжает быть юридической единицей накопления капитала. Но с тех пор как ценность фирмы стала, в конечном счете, зависеть от ее финансовой оценки на фондовом рынке, она как единица накопления капитала превратилась в узел глобальной сети финансовых потоков. Таким образом, сетевая экономика как доминирующий слой глобального финансового рынка — «мать» всех оценок. Глобальный финансовый рынок лишь частично работает в соответствии с правилами рынка. Он также формируется и развивается в зависимости от турбулентности информации различного происхождения, взаимодействуя с помощью компьютерных сетей, создающих «нервную систему» глобальной информационной капиталистической экономики [Hutton, Giddens, 2000; Obstfeld, Taylor, 2004; Zaloom, 2006].

Финансовая оценка определяет динамику экономики в краткосрочной перспективе, но для продолжительных временных интервалов все зависит от роста производительности. Вот почему источник производительности является краеугольным камнем экономического роста и, следовательно, прибыли, заработной платы, накоплений и инвестиций [Castells, 2006]. Ключевым фактором роста производительности в этой насыщенной знаниями сетевой экономике являются инновации [Lucas, 1999; Tuomi, 2002], или способность перестраивать производственные факторы иным, более эффективным способом, и (или) создавать большую ценность, добавленную в процесс производства или продукт. Инноваторы зависимы от культурной креативности, институциональной открытости к предпринимательским идеям, от автономии труда в трудовом процессе и от соответствующего типа финансирования этой инновативно развивающейся экономики.

Новая экономика нашего времени определенно капиталистическая, но это новый бренд капитализма: зависящий от инноваций как источника роста производительности; от подключенных к компьютерным сетям

глобальных финансовых рынков, на критерии оценки которых влияют информационные турбулентности; от объединения в сеть производства и менеджмента, как внешне, так и внутренне, локально и глобально, и от труда, который является гибким и адаптивным. Создатели ценностей должны быть самопрограммируемыми и способными автономно перерабатывать информацию в соответствующие знания. Универсальные работники, сведенные до роли простых исполнителей, должны быть готовы адаптироваться к потребностям сетевого предпринимательства либо в противном случае столкнутся с замещением машинами или альтернативными трудовыми ресурсами.

В этой системе, кроме постоянства эксплуатации в ее традиционном смысле, ключевой проблемой труда является сегментация между тремя категориями работников: теми, кто является источником инноваций и оценивания; теми, которые являются простыми исполнителями инструкций; и теми, кто структурно не соответствует критериям и перспективам получения прибыли в условиях глобального капитализма, или как работники (недостаточно образованные и живущие в районах без надлежащей инфраструктуры и институционального окружения для глобального производства), или как потребители (слишком бедные, чтобы стать частью рынка), либо и те, и другие. Первоочередная задача для большинства населения планеты заключается в том, чтобы избежать этого несоответствия, вступив вместо этого в значимые отношения, такие, как те, что мы можем назвать эксплуатацией, потому что эксплуатация делает значимыми эксплуатируемых. Самая большая опасность для таких людей — стать невидимыми для программ, управляющих глобальными сетями производства, распространения и оценивания.

Пространство потоков и мгновенное время

Как во всех исторических трансформациях, возникновение новой социальной структуры связано с переопределением материальных основ человеческого существования, пространства и времени, как показали Энтони Гидденс, Барбара Адам, Дэвид Харви, Скотт Лэш и Джон Урри, Уильям Митчелл, Майкл Диар, Стефен Грэхем и Марвин Саймон, Питер Холл и Кэтрин Пэйн и Симонелла Таббони [Giddens, 1984; Adam, 1990; Harvey, 1990; Lash, Urry, 1994; Mitchell, 1999; 2003; Dear, 2000; 2002; Graham, Simon, 2001; Hall, Pain, 2006; Tabboni, 2006] наряду со многими другими. Властные отношения встроены в социальную конструкцию пространства и времени, поскольку обусловлены пространственно-временными образованиями, которые характеризуют общество.

Две вновь возникшие социальные формы времени и пространства характеризуют сетевое общество, сосуществуя при этом с предшествующими формами. Это *пространство потоков* и *мгновенное время*. Пространство

и время связаны в природе, как и в обществе. В социальной теории пространство может быть определено как материальная основа разделенных во времени социальных практик; иначе говоря, конструирование одновременности. Развитие коммуникационных технологий может быть понято как постепенное расщепление близости и разделение времени. *Пространство потоков* относится к технологической и организационной возможности практической одновременности взаимодействий без пересечения. Это также относится к возможности асинхронного взаимодействия в выбранное время на расстоянии. Большинство доминантных функций в сетевом обществе (финансовые рынки, транснациональные производственные сети, информационные сети, сетевые формы глобального управления, глобальные социальные (общественные) движения) организованы вокруг пространства потоков. Однако пространство потоков имеет место. Оно состоит из узлов и сетей, иначе говоря, из мест, соединенных электронно управляемыми коммуникационными сетями, через которые потоки информации, обеспечивающие распределение времени действий, происходящих в таком пространстве, циркулируют и взаимодействуют. Хотя в этом пространстве мест, основанных на смежности деятельности, значение, функция и местоположение тесно взаимосвязаны, в пространстве потоков отдельные места приобретают значение и функции в зависимости от их роли относительно центральной точки в тех сетях, которым они принадлежат. Таким образом, пространство потоков не будет тем же самым для финансовой деятельности и для науки, для медиасетей и для сетей политической власти. В социальной теории пространство не может рассматриваться отдельно от социальной деятельности. Следовательно, каждое измерение сетевого общества, которое мы анализируем в этой главе, имеет пространственное представление. Поскольку практики объединены в сеть, существует также их пространство. Так как сетевые практики основаны на информационных потоках, протекающих между различными сайтами (местами) с помощью коммуникационных технологий, пространство сетевого общества возникает при взаимодействии между тремя элементами: мест локализации действий (и совершающих их людей), сетей материальной коммуникации, соединяющих эти виды деятельности, а также контента и геометрии потоков информации, в рамках которых осуществляется конкретная деятельность в соответствии с функцией и значением. Это и есть пространство потоков.

Используемое в социальном контексте время определяется как последовательность практик. Биологическое время, характеристика большей части человеческого существования (и все еще участь многих людей в мире), определяется как последовательность, запрограммированная в жизненных циклах природой. Социальное время сформировано в ходе истории с помощью того, что я называю бюрократическим формальным временем, которое является организацией времени в институтах и повседневной жизни с помощью кодов военно-идеологического аппарата, на который повлия-

ли ритмы биологического времени. В индустриальную эпоху постепенно складывается «часовое» время, порождая то, что я, следуя традиции Фуко, назвал бы дисциплинарным временем. Это измерение и организация последовательности действий с достаточной точностью для назначения заданий и упорядочивания каждого момента жизни, начиная со стандартизированной промышленной работы и подсчета промежутков времени коммерческих операций, формируют два основных принципа индустриального капитализма, который не может работать без учета времени: время — деньги, и деньги возникают во времени. В сетевом обществе акцент смещен с точностью до наоборот. Отношение ко времени определяется использованием информации и коммуникационных технологий в неослабевающей попытке упразднить время, отрицая последовательность: с одной стороны, сжимая время (как в мгновенных глобальных финансовых транзакциях или обобщенной деятельности многозадачности, вмещающей больше деятельности в данное время); с другой стороны, смешивая в случайном порядке последовательность социальных практик, включая прошлое, настоящее и будущее, подобно электронному гипертексту Web 2.0, или размывая модели жизненного цикла как на работе, так и в воспитании в семье.

В индустриальном обществе, которое было организовано вокруг идеи прогресса и развития производительных сил, *становление* структурировало *бытие*, время упорядочивало пространство. В сетевом обществе пространство потоков как бы растворяет время, нарушая последовательность событий и делая их одновременными в коммуникационных сетях, создавая, таким образом, иллюзорную структуру общества: бытие отменяет *становление*.

Конструирование пространства и времени социально дифференцировано. Множественное пространство мест, раздробленных и не связанных друг с другом, демонстрирует разнообразные темпоральности — от наиболее традиционного доминирования биологических ритмов до контроля часового времени. Избранные функции и индивиды выходят за пределы времени (подобно изменению глобальных часовых зон), в то время как обесцененные действия и подчиняющиеся люди всю жизнь проводят в рамках протекающего времени. Существуют, однако, альтернативные проекты структурирования времени и пространства, выраженные, например, в социальных движениях, которые стремятся изменить доминантные программы сетевого общества. Так, энвайронменталистское движение вместо принятия мгновенного времени как времени финансового автомата нацелено на переживание времени как большой длительности — *longue durée* (термин Фернана Броделя для обозначения долговременных, сравнимых по длительности с космогоническими процессами исторических изменений. — А. Ч.) в космологической перспективе, рассматривая наши жизни как часть эволюции человеческого вида и ощущая солидарность с будущими поколениями и с нашей космологической принадлежностью: то, что Лэш и Урри [Lash, Urry, 1994] называли «ледниковым временем».

Сообщества по всему миру борются за сохранение значения локальности и за отстаивание пространства мест, основанных на опыте исторического существования, перед логикой пространства потоков, основанных на инструментальности, в процессе, который я анализировал как «основу общества» пространства потоков [Castells, 1999]. В действительности пространство потоков не исчезает, поскольку является пространственной формой сетевого общества, но его логика может быть трансформирована. Вместо включения значения и функции в программы сетей должна быть предоставлена материальная поддержка глобальной связи с локальным опытом, как это происходит в интернет-сообществах, возникающих из сетевого взаимодействия локальных культур [Castells, 2001].

Время и пространство переопределяются в ходе появления как новой социальной структуры, так и новой силы, борющейся против формы и программ этой социальной структуры. Время и пространство выражают властные отношения сетевого общества.

Культура в сетевом обществе

Общества являются культурными конструктами. Я понимаю культуру как совокупность ценностей и убеждений, которые информируют, руководят и мотивируют поведение людей. Так, если существует особое сетевое общество, должна существовать и культура сетевого общества, которую мы можем определить как его исторический маркер. Здесь, однако, многокомпонентность и новизна сетевого общества вновь требуют осторожности. Прежде всего потому, что сетевое общество глобально, оно создает и объединяет множество культур, связанных с историей и географией каждого уголка мира. Фактически индустриализм и культура индустриального общества не ведут к исчезновению специфических культур по всему миру. Индустриальное общество обладает множеством различных — и по-настоящему противоречивых — культурных проявлений (от США до СССР, от Японии до Соединенного Королевства). Также существовали ядра индустриализации в значительном числе сельских и традиционных обществ. Неоднородный капитализм унифицирует эту реальность исторического существования в культурном отношении. Да, рынок правит в каждом капиталистическом государстве, но при таких специфических правилах и с таким разнообразием культурных форм, что определение культуры как капиталистической приносит немного аналитической пользы, если под этим мы на самом деле не подразумеваем американскую или западную культуру, которая тогда оказывается эмпирически неправильной.

Таким же образом сетевое общество развивается во множестве культурных образцов, произведенных в каждом конкретном контексте в силу неоднородности истории. Оно материализуется в особых формах, ведущих к формированию сильно различающихся институциональных и культур-

ных систем [Castells, 2004b]. Однако существует еще и общее ядро сетевого общества, как это было и в индустриальном обществе. Но есть также дополнительный слой объединения в сетевом обществе. Он представлен глобально в реальном времени. Он глобален по своей структуре. Таким образом, он не только разворачивает логику целого мира, но и сохраняет сетевую организацию на глобальном уровне, будучи специфичным при этом для каждого общества. Это двойное движение всеобщности и обособления приводит к двум главным последствиям на культурном уровне.

С одной стороны, специфические культурные идентичности становятся общинами автономии и иногда «рвом сопротивления» для коллективов и индивидов, которые отказываются исчезать в логике доминирующих сетей [Castells, 2004c]. Быть французом оказывается так же важно, как быть гражданином или потребителем. Быть каталонцем или баском, галисийцем, ирландцем, валлийцем, шотландцем, квебекцем, курдом, шиитом или суннитом, индейцем аймара или маори становится объединяющим принципом самоидентификации в противовес доминированию, навязываемому национальными государствами. В отличие от нормативных или идеологических воззрений, которые предлагают слияние всех культур в космополитическом плавильном котле мирового гражданства, мир не плоский. Сопротивляющиеся идентичности разворачиваются на этих ранних стадиях развития глобального сетевого общества и порождают самые драматические социальные и политические конфликты недавнего времени. Респектабельные теоретики и менее респектабельные идеологи могут предостерегать от опасности такого развития, но мы не можем игнорировать его реальность. Наблюдение должно информировать теорию, а не наоборот. Следовательно, то, что характеризует глобальное сетевое общество, — это противопоставление логики глобальной сети и утверждения множественности локальных «Я», как я попытался показать и доказать в предыдущих работах ([Castells, 2000a; 2000c; 2004c], см. также: [Tilly, 2005]).

Вместо возникновения однородной глобальной культуры в качестве магистрального общего тренда мы наблюдаем историческое культурное разнообразие: скорее, фрагментацию, чем сближение. Ключевой вопрос, который при этом возникает: способны ли эти особые культурные идентичности (созданные из унаследованных от единичных историй и переработанные в новом контексте материалов) коммуницировать друг с другом? [Touraine, 1997]. В противном случае разделение взаимозависимой, глобальной социальной структуры, в которой пока еще нет возможности говорить на общем языке ценностей и убеждений, ведет к систематическому непониманию, у истоков которого — разрушительное насилие над другим. Таким образом, протоколы коммуникации между различными культурами являются важнейшей проблемой для сетевого общества, поскольку без них не существует общества, но только доминирующие сети и сопротивляющиеся общины. Проект космополитической культуры, общей для граждан

всего мира, составляет основу демократического глобального правления и указывает на центральную культурно-институциональную проблему сетевого общества [Habermas, 1998; Beck, 2005]. К сожалению, такое видение предлагает решение, при котором отсутствует определение — иное, чем в нормативных терминах — процессов, с помощью которых эти протоколы коммуникации создаются или могут быть созданы, учитывая тот факт, что космополитическая культура, согласно эмпирическому исследованию, представлена только в очень небольшой группе населения, проживающей в Европе [Norris, 2000; Eurobarometer, 2007; 2008]. Таким образом, хотя мне лично очень хотелось бы, чтобы культура космополитизма постепенно улучшала коммуникацию между людьми и культурами, наблюдение текущих тенденций указывает иное направление развития.

Определить то, чем эти протоколы межкультурной коммуникации могут быть, — исследовательский вопрос. Его изучение в данной книге будет осуществлено на основе следующей гипотезы: *общая культура глобального сетевого общества является культурой протоколов коммуникации, позволяющей осуществлять коммуникацию между различными культурами не на основе разделяемых общих ценностей, а на основе разделения ценностей коммуникации*. Это значит, что новая культура возникает не из содержания, а из процесса, как конституционная демократическая культура базируется на процедуре, а не на существующих программах. Глобальная культура — это культура коммуникации ради продолжения коммуникации. Это незамкнутая сеть культурных смыслов, которые могут не только сосуществовать, но также взаимодействовать и изменять друг друга на основе этого обмена. Культура сетевого общества — это культура протоколов коммуникации между всеми культурами в мире, развивающаяся на основе общей веры во власть сети и синергии, возникающей при передаче информации другим и получения ее от других. Процесс материального созидания культуры сетевого общества происходит ныне, и он не закончен. Однако это не распространение капиталистического сознания через власть, осуществляемую в глобальных сетях доминирующей элитой, унаследованной от индустриального общества. Это и не идеалистическое предложение философов, мечтающих о мире абстрактных космополитичных граждан. Это процесс, с помощью которого сознательные социальные акторы различного происхождения передают свои ресурсы и убеждения другим, ожидая получения того же взамен: общий многообразный мир, свободный от древних страхов.

Сетевое государство

Власть не может быть сведена к государству. Однако понимание государства, его исторических и культурных особенностей — необходимый компонент любой теории власти. Под государством я понимаю институты управления обществом и их институциональные органы политической ре-

Учебное издание

Серия «Переводные учебники ВШЭ»

Мануэль Кастельс

Власть коммуникации

Второе издание, дополненное

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художественный редактор *А.М. Павлов*

Компьютерная верстка и графика: *С.В. Родионова*

Корректор *Н.В. Андрианова*

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Newton

Усл. печ. л. 48,1. Уч.-изд. л. 35,6. Тираж 1000 экз.

Изд. № 2096

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20

тел.: (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru,

тел.: 8 (499) 270-73-59